WWW.FLATUSVOCIS.NET
Russian Cyberpunk Literature

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Квантовые принципы идеальной конспирации, или как создаются нераскрываемые тайные общества. Буденновские шашки и дизайн интерьеров. Индоевропейские иероглифы и киберреинкарнация. Мошенничество, как разновидность перформанса. Графическая этимология и отпечатки из предвечности. Как устроить скандальную выставку и превратить в масштабное шоу ее последствия. Какова площадь государства, границы которого очерчены разлетающимися осколками взорванных бомб. Вечность и время, любовь и ненависть в узорах древнеегипетских идеограмм. Принцип предельности информации и власть, восстающая из кромешной тьмы. Бешеный гитарный саундтрэк к книге by RustyFusion cyberpunk band (www.rustyfusion.com).

- Farsi Rustamov
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42

Farsi Rustamov
FLATUS VOCIS

Download soundtrack from
www.rustyfusion.com
Official site of the book
www.flatusvocis.net

1

По латунным небесным кишкам бряцая прокатилось медное солнце. В последних лучах ускользающего дня кузнец доковывал свои лимонные подковы. Огненные брызги сыпались на траву, и аромат разносился по лугам, на которых смиренно пасся Навуходоносор.

– Плачу палачу и плачу, – нервно бубнил себе под нос Иван Антонович. И выходило это так, словно не разговаривал он сам с собой, а лизал раскаленную сковородку. Та шипела ему в ответ что-то по-польски, но он, по необученности своей языкам, был не в силах разобрать ни единого слова.

– Шут гороховый! Верное дело шут! По шуту и колпак сшит, а по тому колпаку и затрещина. По короне-то хвати, что по вилам – одно увечье руке, да и людям посмешище, а по колпаку то по дурацкому – так всякому позволительно и всякий в том потеху найдет. В мешок бы этих насмешников, да и в колодец бы их окаянных.

Иван Антонович по натуре своей не был человеком мстительным. Да и злопамятным он не был. Вот только память имел хорошую и хранил в ней без разбору все доброе и дурное, что от века с ним приключилось. Он относился к числу тех людей, львиная доля благочестия которых заключалась в их собственной лености.

Иван Антонович верил, что леность его не греховна, ибо она спасает его от злодейств. Среди же всех мировых злодейств встречались для него такие, о которых он, несомненно, ведал по благодушному попустительству собственной натуры к тому, чего не было охоты избегнуть, и такие, о которых он не ведал, по причине все той же лености, мешающей о них должным образом справиться или, пуще того, испробовать их самому.

От обычной его неторопливости не осталось и следа. Клубы пыли вздымались из-под ног и невесомо застывали в воздухе.

– Вот тебе и тьма, верно тьма египетская, – он запнулся.

Ночное небо впивалось в землю клыками звезд своих.

Иван Антонович чувствовал, будто бы чья-то уверенная рука отнимает от него его неровно бьющееся сердце и тихо кладет его на вершину огромного айсберга. Сердце прожигает лед и тонет. Вот оно уже кругом окутано холодными толщами. Оно плывет во льду, уходя все глубже и глубже.

Вдруг все замерло. Стих ветер. Исчез лимонный запах. Пропал далекий звон кузницы. Вот тут-то Иван Антонович и

пустился бежать со всех ног, позабыв себя, да очертя голову. Он старался не сбиться с дороги и не смотреть по сторонам. Лишь краем глаза заметил он камышовые заросли и то, как юркнул в них перепел, и как стервятник пьет болотную воду.

Мыльная луна медленно растворялась во влажном воздухе ночи. В болотной хляби тонула дверь с громадной бронзовой задвижкой. Поверх двери был уложен квадратный ковер, а на ковре лежала маленькая пуговица с четырьмя отверстиями.

Если бы страх был чувством слабым настолько, чтобы оставить помимо себя место каким-либо иным переживаниям, то виденным картинам, пожалуй, и стоило бы удивиться. Иван Антонович удивляться был не в силах. Он бежал, находя в этом единственное спасение от того, чего и сам не ведал.

Калитка, лай собаки, свет в окне. Дверь со скрипом отворилась.

– Иван?

Не в силах вымолвить ни единого слова Иван Антонович подбежал к двери и схватил отворившего ее человека за руку. Тот встрепенулся.

– Что с тобой?

– Что? – Иван Антонович вслушивался в свой собственный голос.

– Что случилось?

– Впусти меня скорее?

– Входи!

Через несколько минут Иван Антонович уже сидел у камина и пил чай. К нему вернулись и обычная его рассудительность, и искусность в речах, и изысканность. Однако в голосе его объявилась непередаваемая вкрадчивость, какой дотоле никогда в нем не было.

– Испугался я, Артемий. Ей-Богу испугался! А знаешь ли чего?

– Так оно дело известное, чего люди боятся в такую пору. Темноты ты испугался, – устало говорил Артемий, глядя в свои египетские книжки.

– Тем-но-ты-ы… – протянул Иван Антонович, – Вот то-то и оно! Жутко мне вдруг сделалось в этой темноте. И не знаю уж отчего.

– Как бы ты знал отчего, так и не боялся бы! – спокойно отвечал Артемий.

– Оно то и верно, оно и верно, – приговаривал Иван Антонович. – Не сердце у меня стало, а медуза! Да тут еще этот старик.

– Какой старик? – тихо спросил Артемий.

– Да встретился мне тут один на станции. Впился в меня

глазами. Я ему, мол, «поезда давно нет, опаздывает, видно». А он мне вдруг: «так ведь и лист сейчас не колыхнется, и птица в небесах не пролетит». Смотрю я – и правда. Ни звука, ни ветра, ни шума. Даже облака застыли на месте. А он мне: «все что ждало свершения, совершено, а значит совершенно. Ведь совершенство обретается лишь в смерти, ибо только в ней и есть прекращение всякому движению. И сколь любим мы совершенство, столь престало нам любить и смерть?»

– Ну и что тут такого? – изумленно спросил Артемий. – Мало ли у нас подобных стариков. Преподавал себе дедушка какой-нибудь научный коммунизм. Потом духовно преобразился. В Оптину пустынь на экскурсионном автобусе от института по профсоюзной путевке съездил. Бороду отпустил a la Лев Толстой. И тихо принялся пугать прохожих речами эсхатологического свойства.

– Но не находишь ли ты зловещей правоты в том, что истинное совершенство способна принести лишь смерть?

– Не нахожу! – рассудительно начал Артемий. – Да и кому это вообще могло прийти в голову утверждать, что люди, якобы, любят совершенство? Все что угодно скажи. Они готовы им любоваться, готовы ему поклоняться и его боготворить, но так, чтобы любить – это уж, позволь мне, слишком. Возьмут они скорее нечто уродливое, напридумывают о нем себе всякого, да в то и влюбятся. Ведь, как ни суди, восхищениям своим, да вздохам, да обожанию хоть и сами они от начала и до конца творцы, так ведь еще и верить в то сами хотят и желают обманываться, что, де, любят они «истинное совершенство». В действительности же любят они лишь сокрытое от них же самих, запечатанное их же собственной принужденной забывчивостью, подспудное чувство безраздельного обладания тем, что прекрасно не само по себе, а единственно по их усмотрению. Созиждем себе совершенство во главах наших, да не избудет его, ибо мы ему господа, и не станется ему быть отнятым от нас, ибо обладаем им по праву творцов и содеяли его невидимым для чужого глаза, оградив себя от татьбы. И уж невозможно разобраться, то ли любим мы совершенство, но лишь нами созданное, то ли любим себя, созидающими совершенство, то ли просто любим себя.

Артемий имел обыкновение изъясняться витиевато. Любую нелепицу умел он расписать арабской вязью. Он находил жизнь беспредельно глупой и до уныния однообразной, чтобы еще и словами повторять ее как есть. Да и как оно есть?

Своим насмешникам он отвечал: «Когда бы краткость воистину была сестрой таланта, тогда бы гении слагали стихи из одних лишь междометий, а всю литературу стоило бы свести к

единственному санскритскому восклицанию „Ом!“, которое, помимо прочего, пришлось бы по вкусу поклонникам основного закона электрической цепи и знатокам электрического сопротивления».

Заумства Артемия мало кто любил, еще меньше кто понимал и уж верно никто не считал их исходящими от мира сего и для сего же мира предназначенными. Поскольку же ухо людское внемлет и тому, чего по скудости своей не ймет иной разум, вечно ища красоты прежде ума, Артемий оставался певчей птицей в клетке, сплетенной из всеобщего непонимания, для услады тех, кому уже в одной нарядности речей мерещится присутствие ума.

Елейные артемиевы словеса лизали потрескавшиеся стены комнаты, ложились испариной на окна, соскальзывали в каминное пекло и уносились через дымоход в черное, как нутро велосипедной камеры, небо.

Иван Антонович спал. И снилось ему, будто он пред пирамидами читает собственные стихи. Он видел солнечные строки. И губы его начинали шевелиться, и шепот его доносился до Артемия, и слово сплеталось со словом под сводами комнаты, проваливавшейся в бездну от каждого зарождавшегося в ней звука:

Под солнцем раскаленные пески
Спекались по крупицам в зеркала,
Являя небу с отраженьем звезд,
Мечты несбыточной немое воплощенье -
Земное повторение небес и
Вечность.

2

Артемий сидел перед зеркалом. Из-за его спины, словно альпеншток, выглядывала оконная рама.

Из старого трофейного радио, привезенного дедом Артемия из Кенигсберга, доносились кряхтящие звуки умирающей волны: «Над колонией тракайских караимов пролетала стая диких птиц. Одна камнем упала, да крылом зарубила. Зарубила. За-ру-би-ла».

Артемий схватил альпеншток и что есть силы ударил им по портрету на стене. Стекло рассыпалось и вместо музыканта с лютней он увидел лицо Арины.

Иван Антонович крепко спал и шум не разбудил его. Он лишь устало пробормотал во сне:

– А у старика то из холщовой сумки топорик торчал. А на топорике кровь свежая.

3

Утром жуки-навозники прятались по своим норам. Сентябрьский дождь прокалывал землю ржавой иглой, штопая опавшими листьями холщовое полотно из пожухшей травы.

– Знаешь, Артемий, что кругло, то не споткнется, – говорил за завтраком Иван Антонович, – потому как круг и есть само совершенство.

– Круглые дураки-то спотыкаются, – усмехнулся Артемий. – Круглому и ко всем чертям и в тартарары катиться легче. И многие, поверь мне, докатываются.

– Никто бы никуда не докатывался, если бы биологическое существование перестало зависеть от времени.

– Кронос Сизифа не проглатывал. Не по зубам он ему был со своими булыжниками. – Артемий отставил от себя блюдо, так что оно оказалось как раз меж двух лежавших на столе скрученных льняных салфеток.

– Вот это ты, Артемий, брось! – встрепенулся Иван Антонович, – Время поглотило всех! И Сизифа, и его труды! И только в нашем веке появилась надежда на то, что временем удастся управлять.

– Так вы, стало быть, и Шекспира вернете благодарному человечеству?! И Ньютона?! – усмехнулся Артемий.

– Полно тебе юродствовать над наукой! – обиженно произнес Иван Антонович.

– Ты называешь это патологическое стремление вызвать рвоту анахронизмов наукой?! Клонировать мамонта и запустить его бегать по Диснейлэнду?! Пересадить выращенную в пробирке копию мозга Моцарта пятилетнему австрийскому пацану и ждать, пока он заиграет «Турецкий марш»?! Превратить реинкарнацию из религиозной доктрины в медицинский факт?! Или, скажем, открыть человечеству тайну времени? Что оно, к примеру, такое? Откуда оно, по-твоему, взялось? Из чего оно проистекает, и почему мы все должны в нем полоскаться, как карась в вонючей речке?

– В двадцатом веке, – по-лекторски начал Иван Антонович, – всем стало понятно, что время проистекает из дюркхеймского минерального источника, в котором Бунзен и Кирхгоф обнаружили элемент, названный цезием, или небесно-голубым, 133-й изотоп которого стал эталоном секунды, за которую происходит 9.192.631.770 периодов излучения для спектральной линии сверхтонкой структуры с длиной волны 3,26 см…

– Предлагаешь поехать в Дюркхейм и ночью тайно от властей и бдительной городской общественности засыпать злополучный источник землей? А местными грязями впредь лечить от старения обрюзгшие тела новоявленных Агасферов?

– Эх, Артемий! – Иван Антонович вдруг изменился в лице. Губы его стали похожи на два сдавленных с боков лезвия. Никто не знал, куда они выгнутся в другое мгновение. – Неужели и тебя надо в колодец?

– Чего я не видел в колодце-то? Одни плевки да звезды, – Артемий сдул квасную пену на каменный пол.

– Зачем же ты смеешься надо мной? Ты же знаешь, как я ее боюсь.

– Кого «ее»? – насторожился Артемий.

Иван Антонович проглотил подступивший к горлу ком и шепотом произнес:

– Смерти!

Артемий таинственно улыбнулся.

– В детстве – продолжал Иван Антонович, – от одной только мысли о ней сердце мое сжималось личинкой колорадского жука и я чувствовал, как образовавшаяся внутри меня пустота с гулом засасывает в себя мои волосы, и ногти мои начинают врастать в мои пальцы.

– Финальная картина. – заключил Артемий. – Сова кружит над хлебной коркой, утопленной в кроваво-рвотной луже.

Иван Антонович схватил Артемия за ворот:

– Ответь мне! – прохрипел он, – Если все, что я говорил этим дуракам, не путь к вечности, то где же она?

От неожиданности Артемий опрокинул чашку. Вода из нее пролилась на стол. В тот же самый момент из-за туч появилось солнце. Оно ударило ярким лучом в медное блюдо так сильно, что то, казалось, должно было зазвенеть вечевым колоколом. Вода из опрокинутой чашки по скрученным льняным полотнам стекала на пол.

4

– Только я, батюшка, в рай то не хочу, – говорил Егорушка оторопевшему священнику, – И света мне фаворского не надобно.

– Как же это? – удивлялся священник. – Все люди к добру стремятся и пусть не другим, так уж себе-то самим добро делают или хотя бы желают делать. А ты вот отказываешься, будто зло какое покрыть этим хочешь. Мне же, пойди, невдомек, то ли это зло, что уже совершилось, то ли то, что только замышляется.

По каменному церковному подоконнику скакал растрепанный воробей, которому становилось дурно от свечного дыма и он попеременно то бился в окно, то слетал на амвон. Во изловление негодника исповедь была остановлена, и вскорости храм наполнился суетливыми старушками, которые, задрав кверху головы, забегали по солее, взмахивая расшитыми рушниками и сдавленно выкрикивая «Кыш!» при каждом метком попадании.

5

Дабы заставить некоторых людей прочитать книгу, достаточно попытаться ее выбросить. Решительность, лишенная демонстративности, и непринужденная имитация возникшего препятствия к незамедлительному исполнению варварского приговора обречены на неминуемый успех. Устроив дела надлежащим образом, Артемий откланялся, обещая вернуться к обеду.

В 11:58 по Гринвичу, не слишком выбиваясь из предусмотренного графика, Иван Антонович обратил внимание на содержимое стоявшей у камина урны для бумаг. К 11:59 он окончательно поборол в себе желание следовать обычным предписаниям неизменной своей добродетели и решился покинуть теплое кресло, дабы полюбопытствовать, что нынче в этом доме было отнесено к разряду литературы столь зажигательной, что ей иного места и не нашлось, кроме как в топке камина. Ровно в 12:00 Иван Антонович извлек из вышеупомянутой урны невзрачную книгу со страницами цвета ржаного хлеба, землистой обложкой и змеиным корешком. На первой же из открытых им страниц он прочитал: «Есть вещи мудрые сами по себе, есть вещи мудрые по усмотрению тех, кто на них вожделенно взирает, пытаясь в оных мудрость отыскать». На обложке значилось: «Идеотипомы, отпечатки из предвечности, или опыт построения предельного этимологического словаря и обоснование принципов графической логики». Далее следовало «Его Императорскому Величеству, Всемилостивейшему Государю Императору Николаю Александровичу самодержцу Всероссийскому с Высочайшего соизволения свой труд с глубочайшим благоговением посвящает Александр Сундстрем», Санкт-Петербург, 1894 г.

6

– Что за дурная забава шприцем вгонять нашатырь в апельсиновую мякоть? – Полина была скорее напугана, чем удивлена.

– Мир подарил нам солнце, я хочу подарить ему свое. – Егорушка протянул Полине апельсин и, словно Гамлет с черепом бедного Йорика, вполне по театральному запричитал, – Смотри, как просто пересилить естество. Не нужно шпаги, коль былая сущность постыдно отступает пред иглой. Что было бы сильней, чем аромат, еще недавно струившийся из самого сердца этого плода? Что ярче выражало сущность его и даже в темноте не дало бы нам ни малейшего шанса обмануться? И вот теперь неувядаемое тело прияло новую душу, дабы посрамить унылую предсказуемость обыденных вещей.

– Для вселенской интриги не мало ль места под кожурою апельсина? – Полина улыбнулась.

– Для интриги место повсюду найдется. Уж это ты мне поверь! Мир очарован непредсказуемостью. Только ею одной мы и любуемся. Люди одинаково счастливы, смеясь и плача, сострадая и жестокосердствуя, восхищаясь и ужасаясь, лишь бы в деле обнаружилась интрига, лишь бы им открылся неожиданный ход, зашифрованное послание. Каждый мечтает увидеть зайца, выпрыгивающим из круга преследования.

– Что ж станет с теми, кто ходит путями прямыми и не хочет ни прыгать, ни летать, ни удивлять прохожих глотаньем шпаг или игрой на флейте? – спросила Полина.

– И ягненок бросится волком на того, кто не успеет в мыслях своих превратить его в улитку.

7

В янтарную смолу заката вплавлялись серые контуры деревьев. Иван Антонович не отрывался от книги. «Коль мудрость века нынешнего есть безумие перед Богом, то стоит искать Истины в мудрости века минувшего. И если она через письмена постигается, то часто в самих письменах она и заключается».

Предисловие содержало множество ссылок на труды Николая Кузанского и Николая Лобачевского. Доказывалось, что понятие формы применимо только к конечным фигурам. Если фигура мыслится бесконечной, то она теряет свои привычные очертания. Бесконечная окружность по мере роста лишается кривизны и превращается в прямую, ибо, чем больше окружность, тем меньше ее кривизна, а чем меньше кривизна, тем заметнее из окружности вырисовывается прямая. Все формы мира сводимы к прямой, а прямая – к точке. Далее следовали рассуждения об индоевропейцах. Книга утверждала, что арии произвели на свет письменные системы, которые очевиднее других выражали идею эманации форм. Огамическое письмо кельтов, руны скандинавов и индийское письмо деванагари в основе своей имеют поразительное сходство. Знаки их словно бы нанизаны на прямую, проколоты ею.

Иван Антонович разглядывал приведенную в книге гравюру, на которой мифический Один в плаще и надвинутой на единственный глаз широкополой шляпе пронзал себя копьем на священном древе Иггдрасиль, дабы получить в дар великую мудрость, снизошедшую на него в виде рун.

8

– Зачем ты хочешь сжечь эту книгу? – возмущенно заревел Иван Антонович на Артемия.

– Я устал от нее.

– От усталости книги не жгут! Или тебе слава Цинь Ши Хуанди покоя не дает?!

– Цинь Ши Хуанди сжигал книги прошлого, а я сжигаю книги будущего! – с загадочной улыбкой произнес Артемий.

– Что ты там городишь? Какие еще книги будущего? Ты хотя бы понял, что здесь написано?

– «Племя хамово мыслит вещами, племя иафетово – духом вещей» – что же в том непонятного?

Артемий сдавил свои веки пальцами, да так сильно, что, открыв глаза, несколько мгновений еще не видел ничего, кроме вихря из золотой пыли и печной сажи.

Пока знакомый интерьер просачивался акварельной пеной сквозь опустившуюся пелену, Артемий не проронил ни единого слова. И слышно было, как стрелки часов вырезают из воздуха бумажные круги.

– Ответь, – заговорил Артемий все с той же загадочностью в голосе, – что видится тебе, допустим, в слове «любовь»? Что нарисуется в твоем сознании от одного лишь упоминания о том, что мы обычно называем этим словом?

– Оставь ты, Артемий, свою путаность!

– В чем же ты видишь путаность? Не в том ли, что мы с тобою взялись рассуждать о тех вещах, которые не терпят описаний?

– Не пытайся убедить меня в том, во что и сам не веришь. Не ты ли прежде говорил, что слову все подвластно?

– Да, я! Но вот тогда ответь мне должными словами, что есть «любовь»?

Иван Антонович молчал. Любой ответ ему казался глупым. Он помнил как любил и помнил как любили его. Обрывки прошлого застыли в сгустке дней, как в янтаре запекшийся узор из комариных крыльев. Что это было? Взмах ее руки, бархатный голос, горячая ладонь, улыбка, тень от деревьев, соскользнувшая с ее груди, рассыпавшееся однажды ожерелье? Нелепица! Перед Иваном Антоновичем вдруг предстала экзальтированная ассистентка кафедры философии того института, в котором он когда-то учился. «Дайте мне дефиницию религии!» – срывалась она с контральто Леля в «Снегурочке» на меццо-сопрано Марфы в «Хованщине». Ивану Антоновичу сделалось неловко от

собственной беспомощности в таком простецком деле, каковым для всякого образованного и знакомого с трудами Бруно Бауэра человека является выведение дефиниций.

– Вот и суди, Иван, о том, что словно бы и всем известно, да только никто этого выразить не может. Так и любовь у нас всем видится по-разному. А египтянин, говоря о ней, тысячу лет рисовал плуг, поскольку в земле фараонов иероглиф с изображением плуга имел значение «любить».

– «Влюбился, как сажа в рожу влепился», – радостно подхватил Иван Антонович, зная, что Артемий не станет тягаться с ним в знании пословиц, – «Новый друг, что неуставный плуг».

9

– Так ведь нет же у нас иероглифов. И не было никогда, – упирался Иван Антонович.

– Да в каждом слове иероглиф, – отвечал Артемий. – Только мы эти иероглифы от самих себя спрятали, чтобы рабами их не стать.

– Или кого-нибудь рабами их не сделать? – ухмыльнулся Иван Антонович.

10

Вечернее небо стирало краски дня незримой кистью из суетливых ласточек, метавшихся над прудом. Сидя в лодке, Иоганн подмигивал Якобу, и оба брата замирали в восхищенье, внезапно распознав брахистохрон в полете птиц. От воскрешенных ауспиций в их головах рождались мириады формул, которые они спешили записать друг другу мелом на камзолах. Возня раскачивала лодку, на борту которой значилось загадочное имя «Bernulli».

На пустынном берегу одиноко возвышался каменный дом. В желтом свете, струившемся из окна, виднелись контуры чьей-то хрупкой фигуры. Тщедушный человек стоял, раскинув руки, в самом центре огромной залы.

– Скорее, – кричал Иван Антонович, – мы можем не успеть!

Артемий выбился из сил. Он больше не мог бежать.

– Остановись, Иван! Дай дух перевести.

– Вот же беда с тобой!

– Кому беда? – выдохнул Артемий.

– Да всем! Всем беда!

Увещевания Ивана Антоновича мало походили на каприз и еще меньше на шутку. Он действительно боялся чего-то, что непременно должно было случиться, коли они опоздают.

До дома оставались считанные метры. Не оглядываясь более на Артемия, Иван Антонович кубарем скатился с вершины холма, оказавшись на залитой светом поляне, как раз напротив окна.

– Мое приветствие, Егор Константинович! – раскланялся он перед стоявшим в окне человеком.

– В моем аквариуме заговорили рыбы! – послышался за окном голос Егорушки.

– Какие уж там рыбы! Вы бы их давно отправили на заливное, окажись они в ваших стигийских водах, – кричал Иван Антонович. – Мы – не рыбы! Рыбы – не мы!

– Однако, Иван, ты скользкий тип!

– Что поделаешь, я долго терся со слизняками!

– Ты один? – спросил Егорушка, всматриваясь в темноту за окном.

– Нет! Со мной нубийская конница и пятьсот ныряльщиков с Крита, – горланил Иван Антонович, словно пьяный ямщик у трактира.

– Заходи уже! – послышалось из-за дверей.

Как только на поляне появился Артемий, к берегу пристала

лодка. С нее бесшумно сошли Иоганн и Якоб. Каждый из них держал на плече по веслу. Они направились к Артемию и молча принялись выкапывать из земли фигуру, нарисованную его тенью. Остро заточенные весла работали не хуже лопат. Вскоре Артемий оказался на самом краю глубокой ямы, точно повторявшей контуры его фигуры. Ему вдруг невероятно захотелось улечься на самое дно, чтоб испытать всем телом то, в чем будто бы обманывался его глаз, но оклик Ивана Антоновича, звавший войти в дом, остановил его.

11

– Значит ты удумал их взорвать? – обратился Иван Антонович к Егорушке, который возился на столе с какими-то проводами. – Я ведь, заметь, не спрашиваю за что, – продолжал Иван Антонович спокойным голосом, – Дело понятное! Все известные мне революционные книги начинались философским трактатом, а кончались кратким руководством по изготовлению динамита кустарным способом.

Егорушка не отрывал взора от разложенного на столе механизма. Казалось, что слова его мало интересовали. Артемий не пытался скрыть своего удивления.

– Нельзя ли полюбопытствовать, – осторожно начал он, – проявлениям какого рода убеждений обязаны мы лицезреть столь небезопасные приуготовления?

– Троцкистским, – сквозь зубы процедил Егорушка.

– «Перманентная революция против перманентной бойни! Такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества», – обратившись к Артемию, с безукоризненной точностью цитировал Иван Антонович.

– Браво, Иван! – победно воскликнул Егорушка, – Браво! Судьба человечества – вот истинная ставка тех приуготовлений, которые кому-то здесь и кажутся «небезопасными».

– Позвольте, вы и нашу с Иваном Антоновичем судьбу решаетесь поставить на кон? – недоумевал Артемий.

– Не пытайтесь собственную исключенность из истории выдать за собственную исключительность, – бросил Егорушка, – Дешевый трюк. Пыль не летает против ветра.

– Так ведь и вы для этой истории так, пустяк. Разрушая, вы надеетесь что-то построить, но велико ли царство, границы которого очерчены разлетающимися осколками взорванных вами бомб? – не унимался Артемий.

– Величие нашего царства определяется отнюдь не его размерами, которые мы, к слову сказать, вольны раздвинуть до самых невероятных пределов. Наше истинное величие таится в нашей непредсказуемости.

По лицу Артемия пробежала тень улыбки. Он больше не хотел слушать и не надеялся спорить. Взор его тянулся к громадному дубовому столу, заваленному книгами, поверх которых было наброшено черное атласное полотно, готовое, казалось бы, в любой момент соскользнуть на пол, открыв для гостей то, что хозяин дома, похоже, пытался спрятать от

докучливых взоров.

Иван Антонович тоже заметил эту необычную картину. Под зловещим полотном скрывалась какая-то тайна. Ему вдруг показалось, что вся комната начинает проваливаться в складки накрывавшей стол ткани. Каждое отражение тонуло в ней, и каждый луч света обращался в угольную пыль, сливаясь с этой чернотой. Однако, после всего услышанного, какая здесь еще могла быть тайна? Что было бы секретом большим, чем сопричастность этим бомбам? Вот разве убежденья, что толкают их взрывать?! Да и о них тут говорили без утайки.

Закат бикфордовой искрой коснулся горизонта, похожие на вату облака внезапно вспыхнули и разлетелись в клочья, и небо осветилось мириадой звезд, которые до самого утра, срываясь с высоты, не перестанут шлепаться в соседнее болото.

– Мы у тебя переночуем! – сказал Иван Антонович Егорушке.

– Но только утром вы должны убраться! – недовольно буркнул хозяин.

– Твоим утром или моим? – спросил Иван Антонович с усмешкой и, видя недоуменное лицо Егорушки, добавил, – Ты ниже меня на пол головы – твое утро наступит позже.

– Так я, пожалуй, заберусь на крышу.

12

В прохладном воздухе просторных комнат для гостей как мутные кристаллы в отвердевшей порфировой лаве застыли запахи скрипичной канифоли, сырой бумаги и пшена.

– Что он там прячет под этой ужасной тканью? – спрашивал Иван Антонович.

– Верно свой динамит! – спокойно отвечал Артемий, понимая, что вопрос предназначался совсем не ему, ведь удел иных недоуменных восклицаний совсем не в том, чтобы добиться объяснений, а в том, чтобы избавить сомневающуюся голову от дурных раздумий. Невинный плод постылой веры в то, что беды покидают нас в минуты, когда мы жалобой на них изводим чье-то сердце.

Когда сомнения рождают тошноту, тогда нелепые слова исходят рвотной пеной. Глаголы, во благо избавления от них же самих изрекаемые. И мы в который раз уж гоним их, как «Оглашеннии, изыдите!» Оглашаем беды свои, и верим, что изойдут они от нас со словом, изреченным в покаянии или во гневе праведном.

– Что там еще у него за книги? – не останавливался Иван Антонович.

– Книги-книги, – повторил Артемий, – Знаешь, Иван, – вдруг начал он, – если бы мы могли видеть запахи, то над той книгой, что лежит на полу, выросло бы дерево с ветвями из бумажных ароматов, корою с запахом дубленой кожи и серыми плодами из свинцовых литер, что пахнут старой типографской краской.

– «Под саваном ночи сокрыт дремучий лес», – в задумчивости произнес Иван Антонович, глядя на лежавшую на полу книгу.

– Тикамацу Мондзаэмон? – осторожно спросил Артемий.

– Нет-нет! И не Сёй Сёнагон! А вот кто? Кто?

13

– …чертовщина! Я знал о ней все! Решительно все! Я даже знал, что она режет сыр после ветчины. Да-да, потому что сыр пах ветчиной, а не наоборот. Я бросал одно лишь слово, словно верный бумеранг, и точно знал, чем это слово отзовется. Если я хотел услышать новости о Лизе, мне стоило лишь вскользь упомянуть о какой-нибудь французской ерунде, чтобы заставить ее битый час рассказывать мне всякую всячину, которую она непременно в таком случае начинала словами: «Сима говорила…». Сима пропадала во Франции месяцами и была, помимо прочего, лучшей подругой Лизы, так что рано или поздно имя последней должно было всплыть в разговоре. Оставалось лишь терпеливо ждать. А она твердит, что я ее никогда не понимал. Понимал! От этого-то чертова понимания и все измены! Только от этого понимания!

– А чем она у Вас занималась?

– Чем-чем! Играла на скрипке. А Вы знаете из чего они там делают смычки?

– Да я все больше по хоровой части.

– Не знаете, так вот знайте – из конских хвостов! И они, понимаете ли, этими хвостами по струнам водят. А что, позвольте спросить, хорошего может выйти из-под конского хвоста? Гармония? Мать ее ити! Семейная идиллия?

Иван Антонович засыпал, утомленный своей безучастностью к тому, чего не было возможности не слышать. И последняя ясная мысль одиноко тонула в безответности одолевавших его снов: «Как часто мы думаем, что их страсти – не более чем шум за нашими стенами».

14

Ночь становилась пепельной. В комнате напротив изможденная студентка театрального училища уже который час билась над пространным монологом, написанным с нетерпимой для наших дней патетикой, верно, каким-нибудь очкариком со сценарного отделения.

– «… Когда б мы знали, что кошмары снов лишь зеркало безвольного мечтанья, которому мы предаемся наяву столь безрассудно, мы б собственную жизнь не разменяли на тысячи грошовых представлений. Когда б мы в умиленье на своих руках не замыкали, нам словно в дар преподносимые оковы, вовек бы не узнали разочарований. Тогда б мы от страстей порочных не стали выжигать больную душу дурными снами и кошмаром ночи. Но ч-ч-ч…! Облако, локон, клок волос, время, сшитое из лоскутов, появилось, надсекая, подобно лучу. Минута, век иль вечность?…»

Ивану Антоновичу снился сон, будто лежал он бездыханно на каменном столе. Какой-то смуглый человек пометил левый бок ему чернилом. Другой надрезал кремневым ножом и устремился прочь. Вослед ему летели камни. Каждый из стоявших вокруг людей стал погружать свои руки в образовавшуюся рану и доставать из нее окровавленную плоть.

Быть может от дурацких причитаний актрисы за стеной сон Ивана Антоновича стал перенимать этот кошмарный псевдошекспировский ритм.

И видели закрытые глаза, как сердце омывают пальмовым вином. Затем его берут и разрезают, на сотни лоскутов, которые сшивают в один ковер.

Иван Антонович узнал тарихевтов, тех, что изготовляли мумий из умерших. «Так я умер? Откуда ж этот страх? Полно! Все глупый сон! Египет, Нил и пирамиды. Какая нескончаемая радость, что это просто глупый сон!»

Вот и ковер дошит, и тарихевты его берут за каждый из углов. Внезапно! Начинают! Трепать! Его! Бешено! Бешено! Словно! В нем! Завелись! Черви! Словно! Их! Хотят! Выбить! Как пыль!

Взрыв расколол огромный дом. Все зарево огня и крик соседей, и пробужденье тех, кто чудом уцелел.

15

– Госпиталь. Капитель. Капут. Гитлер капут! В белом капоре… Гитлер с отвисшею челюстью… пускает изо рта в небо радужные пузыри… на забаву розовощекой немецкой детворе.

– Капельницу в шестую!

16

– Так ей, внучек, кесарево сечение делали! – шептала бабуся голосом кухонного диссидента брежневской поры.

– Кесарю кесарево, – бодро подхватил студент-посетитель.

– Что-что? – переспросила бабуся.

– Aut Caesar, aut nihil. – уточнил студент, после чего разговор поколений ладиться как-то перестал.

17

Голова раскалывалась сотнею «герник». Губы иссохлись, словно изрезанные кракелюром полотна Джошуа Рейнолдса. Ощущение боли медленно начинало пробуждать сознание. Сквозь гул в ушах пробивалась назойливая трескотня соседей по палате.

– Ты пойди ему, как его, вчерашнему, Ивану капельницу-то поправь! Того и гляди отвалится.

– Это дело врачей. Я туда лезть не стану.

– Дело врачей! Дело врачей! Сталин бы тебе показал «дело врачей»! Он бы вам всем показал! Лоботрясы!…

– …Шинкевич то, хирург, так ведь гражданство уже израильское получил, а все наших режет. Эдак, изведут иуды нашего брата, верное дело изведут…

– Мужики, отгадайте ка загадку! Какие доски покупает еврей?

– Пфф…?

– Обрезные.

– Га…га…га…

– Гробовые он вам доски покупает! – буркнул лежавший у окна казачок, которого намедни выпороли на кругу за то, что он уснул в окопе во время учения потешных полков. – Рассея объермолилась, а им дуракам гоготно! Супостаты!

Казачок был щуплый и очки имел толщиною с полевой бинокль, но бузотерства был отменного. Резвый, стало быть, на предмет расквасить кому рожу. И не квасного патриотизма ради. За резон, стало быть, политический бился он то в одиночку, то скопом. А вот же от своих теперь и пострадал.

«И что это, спрашивается, за закон такой, чтобы своих пороть. Евреи-то своих не порют. Из миквы грязную воду хлебать заставляют, а пороть не порют», – сокрушался казачок за житье свое, да за рубцы кровавые на спине.

За дверью послышались шаги. Через мгновение в палате появился доктор.

– Доброе утро! Здравствуйте! Шалом! – зазвенел циркулярной пилой его голос. Шинкевич совсем не картавил, однако, как случалось среди его соплеменников, он говорил гораздо громче, чем того бы требовала даже полуглухая аудитория. – Как себя чувствуем? – выпалил доктор, глядя в пространство между коек. Определенно любой ответ был ему совершенно безразличен. Шинкевич управлялся со своим голосом, как дельфин с эхолотом. Выдавал в эфир порцию трескотни и ждал, пока сигнал отразится от окружающих предметов. Голос служил ему средством

ориентации в пространстве. Не более того. Но и не менее.

– Как дела, молодой человек? Какие пожелания? – обратился Шинкевич к первому подвернувшемуся под руку пациенту.

– Хотелось бы быть чуть менее здоровым, чем того желали бы в военкомате, и чуть более здоровым, чем требуется для получения справки в бассейн, – с ехидной улыбкой отозвался парень.

– Непатриотичная пошла у нас молодежь, Вера Степановна! Непатриотичная! – отметил доктор.

Старушенция, к которой он обратился, бросила на молодого человека укоризненный взор.

– А пидарасов уже в армию не берут! – выкрикнул пациент с койки у стены. – Скоро их и в тюрьму пускать перестанут!

В палате наступило некоторое оживление.

– Так, так, господин из взорванного дома? – сканировал окружающее пространство Шинкевич. – Сотрясение и сломанные ребра…

– Где Артемий? – прохрипел Иван Антонович.

– Дома ваш Артемий. Легко отделался, – поспешила успокоить медсестра.

Тем временем доктор уже направлялся к следующему пациенту, которого бортовая навигационная система Шинкевича классифицировала как потенциального погромщика.

– Любо, господин казак! Любо! – дипломатично обратился к больному Шинкевич.

Адресат сморщился и повернулся на другой бок.

18

Маршрутное такси неслось по городу, жонглируя полуотвалившимися деталями, как циркач блестящими головешками.

– На остановке остановите! – выкрикнула с заднего сиденья рыжеволосая девица.

– Ага. А на перекрестке перекрестите! – отозвался водитель.

– Что-что?

– Тавтология-с! – раздался услужливый голос гражданина в шляпе.

– Ну ты, филолог, на тормоз жми! – разозлилась девица.

– Здесь останавливаться не буду! Меня и так вчера оштрафовали. – артачился водитель. – Вон знак проедем, тогда и выйдешь.

Прогромыхав еще метров сто, машина затормозила. Рыжеволосая девица выбралась наружу. За нею следом выскочил Артемий.

– Постойте! – крикнул он ей.

– Что еще? – девица обернулась и посмотрела на Артемия. Ее глаза сверкали.

– Проводите меня до больницы?

– С какой это стати? – возмутилась она.

– А с такой стати, что Вы все равно туда идете, – уверенно сказал Артемий.

– Думаете начну спрашивать, «откуда Вам это известно»? – холодным голосом бросила девица.

– Спрашивать не начнете, а вот подумать – подумаете! – настойчиво продолжал Артемий.

– Только не надо меня интриговать пересказыванием замшелых детективов! – с досадой бросила девица. – Все эти дедуктивные методы!… «Грязь на ботинках»!… «Складки на плаще»!… «А на каком глазу ресница»?! Или представитесь астрологом? По звездам вычисляете траектории движения пешеходов в уездном городе Бийске! Поморочьте ка мне голову своими асцедентами! Глядишь, дура рот разинет! Домой поведет! Переспать с собой предложит!

– Нет-нет! Я воздержусь от этих ухищрений! И самолеты сбивать арбузными косточками не стану, как ни просите! – весело выпалил Артемий. – Вы столь очаровательны, Арина, – продолжал он так же бесцеремонно, – что Вам не стоит этого скрывать под маской столь откровенного хамства.

– Так Вы и имя мое знаете?

– Знаю! И то, что на юрфаке учитесь, знаю!

– Так что ж из того?

– А то, что учить законы в стране, в которой они ровным счетом ничего не значат – все равно, что читать лекцию о секретах долголетия отряду японских камикадзе перед их последним вылетом!

– Очень смешно! – укоризненно промолвила Арина. – Вот потому у нас все и плюют на законы!

– А вот это верно подмечено! – ликующе подхватил Артемий. – Именно все! Решительно все мы плюем на законы, хотя и остаемся сторонниками «общественного договора». Однако ж желаем, чтобы не за нас договаривались какие-нибудь «отцы-основатели» да еще и во время оно, а сами мы договаривались между собой, пусть бы и приходилось это делать ежечасно, и сопровождалось бы это не лишенным национального колорита ритуалом в духе «не подмажешь – не поедешь». Мы свою свободу не храним в ячейке швейцарского банка и на Манхэттене ей памятников не ставим. Русская наша свобода всегда при нас и в прокрустово ложе законов ее не утрамбовать, будь наши парламентарии хоть царями хамураппи, хоть ликургами, хоть бенджаминами франклинами.

– Благодарю за политинформацию, – с раздражением в голосе произнесла Арина. – Мне пора!

– Да и мне тоже! – улыбнулся Артемий. – Спасибо за компанию! Будьте внимательны, читая душеполезные труды профессора Двенадцатитаблицина!

– При-дурок! – проговорила Арина, как только Артемий скрылся за стойкой, но это мало соответствовало тому, что на самом деле думала она об этой встрече. Арине вдруг показалось, что фамилия автора книги, которую ей прислали неделю назад из читательского клуба «Огма», является идиотской подделкой. Что это за профессор Двенадцатитаблицин?! Что-то прежде среди цивилистов такой фамилии она не встречала. И откуда этот парень знает ее имя?

19

На обитую коричневым дермантином дверь кабинета полковника Капронова тоскливо и болезненно глядел Феликс Эдмундович Дзержинский работы безвестного пролетарского мастера, постпередвижнические опыты которого нашли саркастическую законченность в авангардном решении униформистов Лубянки придвинуть к самому уху основателя ЧК громадный железный сейф времен Третьего Охранного отделения. Унылый взгляд Дон Кихота, заработавшего туберкулез на войне с ветряными мельницами, впалые щеки измученного тропическими болезнями конкистадора, открытый шальным пулям революции лоб Робеспьера – нехотя, из одного лишь подчинения партийной дисциплине, складывались в образ того легендарного героя, которого родители нарекли издевательским именем «Счастливчик», и которого «вождь мирового пролетариата», не иначе как в целях конспирации, называл «Железным Феликсом», давая насмешникам повод для фривольных толкований, типа «Феликс Неолитический», «Феликс-Бессеребренник» и даже «Феликс-Золотой телец грядущего».

Полковник Капронов сидел, насупив брови. Три взрыва за два дня, а у него, блядь, у кадрового разведчика, имеющего наградную грамоту от самого, блядь, товарища Андропова, хера с носом версий и столько же улик. А вместо обеда – кодла двадцатилетних мудозвонов за столом, поджавших хвосты и вытявкивающих в свое оправдание какие-то фамилии и адреса, взятые из прошлогодних баз данных.

– Ладно, блядь! – рявкнул наконец Капронов. – Поезжайте по своим адресам. Трясите, блядь, чеченцев, глядишь, чего скажут. Ищите, откуда взялся этот херов пластит. Опросите всех вьетнамцев на базарах. Узнайте, кто из них продал больше одной пары в руки этих блядских часов для взрывателей.

Михаил Никанорович Капронов был очень интеллигентный и начитанный человек. Он наизусть знал «Евгения Онегина», регулярно посещал оперу, аккуратно коллекционировал книги из серии ЖЗЛ, бегло говорил по-немецки и по-шведски. В эти тяжелые минуты ему было по-отечески больно смотреть на своих подчиненных, с печальным видом покидавших его кабинет, и чтобы их хоть как-то приободрить, он заорал им вслед:

– И не хера лазить часами по Интернету! А то я вас, блядь, за такую работу всех в Чечню ушлю! На передовую!

После этих слов Михаил Никанорович прокашлялся и с

чувством выполненного долга спокойным голосом сказал,

– Володя, задержись на минуточку!

– Слушаюсь, товарищ полковник! – отозвался долговязый парень, державший в руке толстую красную папку.

20

Федот сидел на скамейке и учил смешную лохматую собаку выбрехивать морзянкой старомодное боцманское ругательство, которое от двойного перевода определенно теряло известную долю своей образной выразительности. Собака проявляла изрядное рвение, хотя туго затянутая на ее шее кабестановая петля портила тембр исполнения неестественной хрипотой.

Подобная дрессура требовала не только особого усердия, но и весьма специфического знания. И то и другое Федот приобрел во время службы радистом на атомной подводной лодке, которая за три года, проведенных в далеком походе, всплывала всего два раза, да и то, как говорили, без особой нужды.

Стоит сказать, что от сопричастности великой тайне погружения Федот слегка подвинулся рассудком, так что был даже вследствие этого комиссован. Причину внезапного помешательства врачи объяснили причудливой контаминацией обрывков флотской лексики, слившихся в голове Федота в одну навязчивую фразу, ставшую причиной непрекращающейся патологической тревоги, переросшей местами в персекуторный бред, в ходе которого Федот забивался в какой-нибудь темный угол радиорубки и, испуганно причитая «Кок на судне травил помалу», сутками отказывался от питья и еды.

Незначительное для жизни гражданской обстоятельство федотова помешательства создавало, тем не менее, серьезные проблемы для тех, кто пытался найти с ним общий язык или просто вступить с ним в контакт. Соседи с подобным положением дел давно уже свыклись, а вот молодому сотруднику Федеральной службы безопасности, протянувшему Федоту аккуратную красную корочку, было совсем уж не привычно вместо обычного «Здравствуйте!» услышать резкое:

– Тот не коммунист, кто в мавзолее не лежал!

– Извините? – прокашлялся молодой человек, – Я из Федеральной службы безопасности. Хотел бы задать Вам несколько вопросов относительно обстоятельств вчерашнего взрыва.

Понятное дело, что услышать в ответ на такое вежливое обращение отрывистое «Пошел на хер!», заставит любого думать, что он имеет дело со вполне нормальным человеком. А чем нормальнее человек, тем больше к нему подозрений.

– Вы знаете, кто здесь изображен? – строго спросил молодой сотрудник, протянув Федоту фотографию Егора Каляева.

– Клоун! – уверенно ответил Федот, продолжая перебрехиваться с собакой.

– Почему Вы называете этого человека «клоуном»? – серьезно спросил молодой сотрудник.

– А почему золотые слитки делают в форме гробов? – задумчиво проговорил Федот и тихо заплакал.

Молодой сотрудник пришел в Федеральную службу безопасности не из-за денег и не из романтики, а из любопытства к тому, сколь вычурным образом неожиданно подмеченные мелочи превращаются в грозные знамения грядущего разоблачения. Он трепетно относился к тем, кто вместо прямых ответов на конкретные вопросы затевал изощренную словесную игру, из которой истину надо было выуживать по крупицам. Он принимал чужую игру и играл по всем ее правилам.

– Вы видели в этом доме золотые слитки? – спокойно спросил молодой сотрудник.

– Клоун-клоун! У него много ценностей! Он их закапывает с теми, у кого их отнял! – с волнением в голосе, качаясь из стороны в сторону, бормотал Федот.

– А у кого «клоун» отнимает ценности? – продолжал свои маневры молодой сотрудник.

– Оборудуй людей бортовыми самописцами! Читай расшифровки! А меня не спрашивай! Не спрашивай! – плаксиво запричитал Федот.

Молодой сотрудник вдруг подумал, что этот странный парень предлагает, в общем-то, дельные вещи. Вот бы каждому человеку приделать «черный ящик», какой бы тогда уж терроризм и кто бы на него решился!

Продолжая осмысливать глобальные изменения, порождаемые подобным нововведением, молодой сотрудник задержал взгляд на полуразрушенной стене дома, где на потрескавшейся еще задолго до взрыва штукатурке, он увидел короткое, но емкое граффити: «Я тоже Patriot». Вызывающая наглость латиницы, инкорпорированной в кириллический ряд, мгновенно вернула молодого сотрудника к реальности.

– Вы можете мне сказать, что там написано? – внезапно спросил он у Федота, показывая рукой на разрушенную стену.

Федот рывком повернул голову к стене и быстро насвистел морзянкой то, что там было написано, ничуть не смутившись присутствия в тексте иностранного слова. Молодой сотрудник ухмыльнулся и, включив спрятанный в кармане диктофон, обратился к Федоту с вежливой просьбой:

– Благодарю Вас за беседу! Она была весьма содержательной! Но прежде чем я уйду, настоятельно советую Вам рассказать о

Егоре Каляеве, или о «клоуне», Вашей собаке. Мне кажется, ей будет грозить опасность, если она не узнает от Вас, кто приходил к Каляеву в этот дом, и чем они тут все занимались.

Федот насупился, посмотрел на разрушенную стену, судорожно взмахнул рукой, затем повернулся к своему заскучавшему уже без дела псу и отрывисто залаял, гримасничая и выделяя интонацией те места, которые, как небезосновательно полагал молодой сотрудник, заслуживали особого внимания органов.

21

– Как ты себя чувствуешь, Иван? – тихим голосом спросил Артемий.

– Как Джимми Хендрикс на фестивале бардовской песни. – морщась, ответил Иван Антонович.

– Все шутишь!

– Какие уж тут шутки!

– К тебе кто-нибудь приходил? – спросил Артемий.

– Да! Всякие там следователи, да еще эти, из ФСБ, – устало ответил Иван Антонович.

– Что спрашивают? – продолжал интересоваться Артемий.

– Спрашивают, кем мне приходился Егор Каляев, и что я у него в ту ночь делал.

– Что отвечаешь? – принужденно зевая, продолжал Артемий, хотя в его голосе начинало чувствоваться волнение.

– Отвечаю, что ничего не помню.

– Правильно делаешь! – улыбнулся Артемий. – Нечего им знать лишнего!

– Да нет! – проговорил Иван Антонович, – Мне бы самому прежде разобраться, что там произошло.

– А что произошло? – настороженно спросил Артемий.

Иван Антонович сглотнул слюну, словно горькую полынь, и тихо произнес:

– Я не знаю! Я ничего не знаю!

Артемий таинственно улыбнулся, хлопнул обеими ладоням по своим коленям и с пожеланием скорейшего выздоровления всем, кто находился с Иваном Антоновичем в одной палате, торопливо удалился.

Как только Артемий оказался в коридоре, он стремительно направился к стойке, за которой сидела обворожительная сестра милосердия. Быстрым движением он склонился над ней и прошептал ей в самое ухо:

– Увы!

Она удивленно подняла глаза.

– Увы, кто-то забыл на подоконнике эту книгу! – прошептал Артемий, протягивая ей до крайности затрепанный том, на обложке которого едва проглядывались тисненые золотом буквы. – Я думаю, это из шестой палаты. Не хочется возвращаться. Дурная примета, а тут еще больница! Да и приятнее получить эту книгу назад из Ваших бархатных рук!

Сестра смутилась и растерянно произнесла в ответ:

– Да-да, конечно!

22

– Что Вы знаете о Егоре Каляеве? – бодро начал допрос полковник Капронов.

– Не более чем Вы! – с усмешкой ответил Артемий, глядя на огромную папку, лежавшую на казенном столе.

– Будьте конкретнее! – прокашлялся Капронов.

– Пренепременнейше! – с издевкой в голосе отозвался Артемий. – Довожу до вашего сведения, что интересующий вас объект весьма увлекался вопросами религии, хотя на призыв «Надо действовать!», всегда отвечал «Прелюбо!». Очевидно, что подобными сальными шуточками он конспирировал свой подвижнический образ жизни!

Капронов сморщился, словно его попросили лизнуть покрытую волдырями жабу, но продолжал:

– Вы знакомы с книгами, найденными в его библиотеке?

– Я не читаю книг.

– А эту узнаете? – интригующе произнес Капронов, вынимая из ящика стола брошюру с броской обложкой, на которой значилось: «Рево-ever-люция!».

Артемий принялся с показной леностью рассматривать протянутую ему книжицу и через некоторое время вполне спокойно констатировал:

– Книга сия мне не известна, однако беглое ее изучение позволяет судить, что отсутствие ошибок на некоторых ее страницах вполне компенсируется тем, что на остальных их по пять!

– Мне импонирует ваша филологическая подкованность, однако я спрашиваю Вас не об орфографии, а о содержании! – полковник начинал злиться.

– Я думаю, что в государстве, в котором всегда гордились революцией, не следует удивляться ее спорадическим вспышкам. – ответил Артемий.

– Мы говорим не о революции, а о терроризме! – возмутился полковник Капронов. – Взрыв жилого дома! Дюжина раненых! Наш долг, равно как и долг всех порядочных граждан, это прекратить!

– Но это не прекратится даже тогда, когда мы отдалимся от двадцатого века настолько, что археологи будут путать бюстик Дзержинского с Костенковской мадонной.

– Достаточно шуток! Мы предлагаем Вам сотрудничество! – твердо проговорил Капронов.

– Надеюсь, что ваше предложение будет более политкорректным, чем совет евреям использовать мацу в качестве коржей для торта-Наполеон? – с серьезностью в голосе осведомился Артемий.

– У Вас нездоровые ассоциации и масса предубеждений в отношении нашей работы! – отметил полковник.

– Боюсь, что отсутствие предубеждений в отношении вашей работы грозит значительно большими неприятностями. – усмехнулся Артемий.

– Рад, что Вы, хотя и в столь извращенной форме, но понимаете серьезность Вашего положения. – с угрожающим безразличием в голосе произнес Капронов, подписывая пропуск.

– Я тоже весьма рад, что кажущуюся несерьезность собственных высказываний могу компенсировать хотя бы отмеченной вами «серьезностью своего положения». – подчеркнуто вежливо ответил Артемий. – Кстати сказать, надеюсь, что «серьезность моего положения» не предполагает какое-либо новое назначение или присвоение внеочередного звания, например, ефрейтора?

– Вот Ваш пропуск, покажете его дежурному. – устало проговорил Капронов. – При необходимости мы вызовем Вас вновь.

23

До 1984 года Егор Каляев учился в университете имени Патриса Лумумбы. Ему предстояла счастливая карьера коммунистического миссионера. Великая Советская держава готовила его стать «ловцом душ» африканских франкофонов. Теплые страны, слоны, пальмы, свободное владение французскими переводами Маркса. Однако артистичность натуры и саркастический склад ума поставили на всем этом жирный крест.

Однажды в факультетской стенгазете, которую неизменно поручали делать именно Егору, появилась фотография группы камерунских студентов, читающих марксистскую литературу в ленинской комнате. Под фотографией каллиграфическим почерком было выведено: «Красный уголёк». Деканат и спецчасть смысл шутки уловили несколько позже гогочущих студентов и в отместку за собственное опоздание созвали комсомольское собрание, поставив вопрос об отчислении.

Егор же, вместо того, чтобы прилюдно покаяться в содеянном, на вопрос о том, не является ли это простой орфографической ошибкой и не следует ли правильно читать «Красный уголОк», внезапно ответил, что товарищ Сталин не рекомендовал заменять букву ё какой-либо иной буквой, о чем в 1948 году был подписан соответствующий указ, с тех пор исполняемый одним лишь журналом «Огонёк».

Решение было вполне справедливым. Конкурс на факультет Егора был в те годы огромный. Одной неправильной буквы в сочинении на вступительном экзамене вполне хватило бы для того, чтобы быть отсеянным при приеме. Стоило ли удивляться, что столь же немногого потребовалось и для решения вопроса об отчислении.

С тремя курсами Лумумбы за плечами, покинув пестрое общежитие на Миклухо-Маклая, Егор устроился художником-оформителем в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Работа, хотя по советским меркам и относилась к разряду творческих, была, в действительности, занудной. Все ее разнообразие заключалось в том, что одни лозунги надо было выписывать красными буквами по белому фону, а другие – белыми по красному. Тем не менее, Егор быстро нашел себе утешение, философски заключив, что в сложившихся обстоятельствах верхом творческой мысли было бы непротивление самообличающей тупости окружающего мира.

Движимый подобного рода толстовством, он решил для начала не противиться превращению начальственной глупости в достояние советской общественности, и когда ему принесли очередной утвержденный директором парка текст плаката ко Дню победы, он так и вывел аршинными белыми буквами на гранатово-красной материи: «Слава защитникам обороны Москвы!» Кого-то, помнится, наказали. В общем, был столь важный для художника общественный резонанс.

Так день за днем вполне можно было бы потратить и всю жизни на препирательства со властью и пассивное диссидентство яснополянского уклада, но тут случилась горбачевская перестройка и егорова подвижническая борьба утратила всяческий смысл.

Завертелась невероятная кутерьма. Потаенные мысли диссидентствующей публики превратились в смелые возгласы, возгласы – в крики, крики – в удивительные карьерные взлеты.

Все стали думать о России и о том, какой у нее путь. Кому-то она представлялась тициановской Данаей, лежащей в медной башне и ждущей, пока на нее прольется золотой дождь. Кто-то утверждал, что без такой же конституции как в Соединенных Штатах Америки России буквально на днях придет шандец, потому как в нас сильно азиатское начало и нам срочно требуется «система сдержек и противовесов». Кто-то доказывал, что все наши беды от интернационализма и предлагал, для начала, перебить всех кавказцев. Кто-то возмущался, что вместо того, чтобы Гагарина в космос запускать, лучше бы завезли в магазины финский сервелат. Кто-то считал, что все наши беды, от переименования городов и улиц, и предлагал переименовать их вновь. Кто-то намеревался решить основные государственные проблемы посредством выноса тела Ленина из мавзолея. И все вокруг кричали, кричали, кричали, так что слышно было всем, а прислушиваться не хотелось никому.

Тем временем по развалинам коммунизма стремительно распространялось чернильное пятно барахолки. В семантическое поле народного товароведения наравне с традиционными сгущенкой, тушенкой и кефиром в авоськах органично вписались вагон руды, цистерна мазута, советские государственные тайны, продаваемые американцам из ненависти к коммунизму и любви к России, бутилированный кумыс, уран 235, панты и железнодорожные тарифы.

Скользя на гребне волны, Егор Каляев устроился в кооператив, которым руководил бывший заводской рационализатор и комсомольский активист Михаил Евграфович Топтыгин. В нарождавшейся капиталистической экономике

Топтыгин отстаивал образ венчурного бизнесмена. Под его руководством группой талантливых отечественных инженеров были разработаны домашние тапки, которые, помимо непосредственной своей функции, исполняли роль пылеуловителей.

Топтыгин завалил тапками-пылесосами все провинциальные рынки от Иркутска до Тулы. Неизменно дешевевшие отечественные дензнаки полились в кооператив рационализатора журчащими ручьями. Время же тогда было лихое и на подобное журчание, как бобры на строительство плотины, собирались группы молодых крепко сложенных парней, желавших «охранять» успешный бизнес. Охраняли, преимущественно, от себе подобных. В случае возникновения проблем никогда ничего не делали, но какая-то стрельба велась беспрерывно. Обстановка была нервозная, так что однажды на вопрос «Когда ты будешь в своем офисе?» Топтыгин не без иронии ответил: «Учитывая характер моей работы, уместней было бы говорить не об офисе, а о блиндаже».

Случилось так, что Топтыгин набрал кредитов, а с ним самим расплатились никому не нужным товаром, который он никак не мог продать. Рационализатор пребывал в депрессии. Его обещали застрелить. И тут появился Егор с весьма изящным планом выхода из сложившейся ситуации.

Ровно через неделю 500 бывших сотрудников обкомов партии и комсомола, которые весьма успешно вписались в новую и до недавнего времени, в соответствии с их собственной риторикой, враждебную экономику, получили письма с заманчивым предложением от одной «риэлтерской», как она себя именовала, компании:

«Уважаемый товарищ (далее следовала фамилия адресата, взятая из списков последних съездов партии)!

Предлагаем Вам стать владельцем великолепного замка. В программе участвуют всего пятьсот человек. Каждый заключивший договор с нашей компанией и заплативший вступительный взнос в размере 1000 (Одной тысячи) рублей гарантированно получает в пожизненное владение один из замков. По условиям торгов, все выставленные на продажу пятьсот замков распределяются между владельцами по случайному принципу. Общая стоимость каждого замка с учетом вступительного взноса составляет 30000 (Тридцать тысяч) рублей. Основная оплата производится только после личного осмотра замка».

К письму прилагался договор, в котором значилось, что сумма вступительного взноса покрывает расходы на организацию

осмотра замка и оформление права владения. Отмечалось, что в случае, если компания окажется неспособной в десятидневный срок предоставить замок для осмотра, указанная сумма будет возвращена в полном объеме.

Приобрести замок по цене недорогой квартиры для нарождавшейся из рядов партократии отечественной буржуазии, не успевшей отвыкнуть от принципа распределения, было делом весьма заманчивым. Оставалось, конечно же, и некоторое сомнение, но в решающий момент в обсуждение включились жены, которые уже охотно примеряли себя к воображаемым по фильмам красотам средневековой архитектуры и начинали изводить мужей догадками о том, во Франции ли окажется их замок или в Испании, и что хорошо бы, если бы во Франции, потому как там Кристиан Диор и Эйфелева башня, а то в этой дурацкой Испании только «глупые быки» и «эта ужасная коррида».

Через две недели на счете компании Топтыгина скопилось уже триста тысяч рублей, что оказывалось вполне достаточным для снятия фокусировки с оптического прицела, под присмотром которого бывший советский рационализатор понуро бродил все это неспокойное время.

Самым интересным в плане Егора Каляева было то, что компания строго выполнила взятые на себя обязательства по обеспечению совграждан престижными замками. Не позднее десяти дней после осуществления вступительного взноса каждый участник программы получил бандероль, в которой находился полный комплект документов на право владения замком, а также и сам замок, производства Колотыринской скобяной мануфактуры.

Так Егор сбыл триста замков по цене даже выше той, которую можно было выручить за весь вагон со злополучным грузом скобяных изделий.

Конечно же, разразился нешуточный скандал, поскольку оказались затронутыми интересы влиятельных лиц. Егор произвел встречное наступление, потребовав от участников программы оплаты договорной стоимости замка, поскольку сам замок был предоставлен для осмотра в назначенный срок в точном соответствии с договором. Некоторых это охладило, а некоторых взбесило еще больше. Дело кончилось тем, что Топтыгин вежливо распрощался с Егором, выплатив ему выходное пособие, небольшой размер которого он объяснил все еще тяжелым положением фирмы и необходимостью погашения старых долгов.

Егор был в бешенстве.

Какое– то время он слонялся без дела. Вскоре художник возобладал над предпринимателем, и Егор с головой погрузился в бездонные штольни визуального андеграунда. Он стал устраивать непонятные авангардные выставки, единственной целью которых было шокировать публику. На одной из них, к примеру, демонстрировались пакеты для рвоты, собранные в самолетах самых разных авиакомпаний. В каждом пакете лежал какой-нибудь тошнотворный предмет. В одном был клочок бумаги с написанным женской помадой словом «мужчинка», в другом -вырезанная из газеты фраза «ваш покорный слуга». В пакетике Indian Airways находился бронзовый бюстик Льва Николаевича Толстого с просверленным в голове отверстием, из которого торчала легендарная «зеленая палочка». В рвотном пакете Аэрофлота был спрятан листок с расписанием работы паспортного стола Черемушкинского района города Москвы. В конверте компании Virgin пряталась вырезка из журнала «Космополитен» с описанием двадцати способов доведения партнера до оргазма, а из пакета с красным крестом, принадлежавшего Swiss Air, вываливался ворох рецептов, написанных с той нарочитой неразборчивостью, которой врачи обычно пытаются покрыть собственную профессиональную некомпетентность. И дальше все в таком же духе.

Случались, однако, выставки и похлеще.

Однажды Егор устроил масштабное шоу в традициях и эстетике ВДНХ, на котором в качестве «достижений народного хозяйства» среди восковых моделей яблок и груш, всяких там «бессемянок мичуринских» и «русского эсперена», демонстрировались настоящие абортированные плоды, помещенные в колбы с формальдегидом. Самым скандальным, однако, было даже не то, что аборт дерзновенно возводили в ранг искусства, а то, что к колбам прикрепили ярлыки с полными именами мужчин, не пожелавших стать отцами. Как выяснилось позднее, все экспонаты для своей скандальной выставки Егор получил от одного врача, который многие годы проводил незаконные операции и оставил подробный дневник, ставший настоящей летописью женских обид, неразделенной любви и мужских предательств. Ответить по закону за свою подпольную деятельность таинственный врач уже бы не смог, поскольку к моменту проведения выставки демонстрировал абсолютную недосягаемость для земного правосудия. Тело его лежало на полутораметровой глубине в центре участка номер 447766 на далеком кладбище в Щербинке, а душа, которой скорбящие сослуживцы опрометчиво отвели место не иначе как в самом раю, в свете открывшихся фактов, должна была, по всей видимости,

проходить первичную термическую обработку в канонической геенне огненной.

Как известно ни с адом, ни с раем наша страна соглашений об экстрадиции не подписывала. Эксгумировать же тело, для того, чтобы его прилюдно повесить, как это когда-то проделали с Оливером Кромвелем, в наш просвещенный век никто бы конечно не отважился, пусть даже и из одной боязни навлечь на себя гнев Совета Европы.

За неимением цивилизованной возможности посмертно репрессировать самого врача, решили, по крайне мере, показательно расправиться с пропагандистом его культурного наследия. На Егора завели уголовное дело, которое, однако, довольно скоро были вынуждены прекратить по причинам, опять таки, не вполне тривиальным.

Тогда как судебная перспектива, и без того весьма призрачная, буквально таяла на глазах, клоунада, столь неуместная в вопросах обеспечения законности, угрожающими темпами нарастала, превращая серьезное дело в откровенный фарс. К примеру сказать, на один из допросов Егор притащил с собой сотовый телефон, выведенный в прямой эфир какой-то панковской радиостанции. Живая трансляция диалога правоохранительных органов с отдельно взятым гражданином, и взятым, что характерно, за хибос, побила рекорды CNN, обеспечив маленькой радиостанции небывалый рейтинг, звонки взволнованных судьбой демократии слушателей, возросший рекламный бюджет и серьезные проблемы с прокуратурой.

Как известно, в 1800 году Джозия Споуд Второй применил инновационную рецептуру в производстве фарфора, добавив на три с половиной части каолина и четыре части кварца шесть частей костяной золы. Так появился знаменитый английский костяной фарфор, отличающийся своей невероятной прозрачностью. Егор Каляев, в свою очередь, предложил в качестве золы использовать пепел кремированных сограждан, а произведенную таким способом посуду хранить, как семейную реликвию. При этом, конечно же, предполагалось полное сохранение функциональности изделий. Скажем, из чашки с запеченным в китайскую глину прахом предков жены по материнской линии можно было пить жасминовый чай, а на тарелке из пепла киевского дядюшки можно было разделывать свежий антрекот. Егор с помпой начал процедуру патентования своего изобретения, одновременно направив предложение о сотрудничестве на Ломоносовский фарфоровый завод, в британский офис Wedgwood, на богемскую мануфактуру Pirkenhammer и в японский концерн Noritake. Помимо того он

разослал копии патентной заявки в десяток изданий, пользующихся самой сомнительной репутацией и не оставляющих без внимания ни одного события, хотя бы отдаленно напоминающего святотатство.

Егор все чаще балансировал на грани дозволенного. Однажды он договорился с пятым телеканалом об организации съемок уникального, как он его тогда представил, теста на стресс. Все, что требовалось от телекомпании – это установить камеру в одной заранее подготовленной квартире и снимать появление в ней хозяев. Стоит заметить, что именно на этом канале выходила довольно популярная передача «Кубатура шара», где всякой желающей того семье принародно и абсолютно бесплатно при включенных телекамерах и скоплении коверных делали перепланировку жилища на деньги, спонсируемые производителями строительных материалов и всякой квартирной мутаты. Поскольку передача снималась как в лачугах простых людей, так и в хоромах знаменитостей, никто не мог заподозрить подвоха, когда Егор появился с занятным предложением обновить интерьеры в квартире известного эстрадного певца, сделавшего себе имя на исполнении песен про десантников, милиционеров, пограничников, офицеров, олимпийцев и прочие референтные группы Кремля.

После предварительного звонка Егор появился в означенной квартире в сопровождении оператора, любезно продемонстрировавшего красочное удостоверение популярного телеканала. Калаев оставил оператора снимать выбранную для перепланировки комнату во всех ее ракурсах, а сам удалился со звездой в холл для подписания договора о проведении перепланировки. Безвозмездная основа таких договоров, по определению, скреплялась гарантиями отсутствия претензий со стороны заказчика к характеру и качеству произведенных работ. Простая формальность подписания стандартного договора без акцентирования внимания на том, что заключается он не с телеканалом, а напрямую с некоей строительной фирмой, на самом деле была ключевым моментом в планах Егора Каляева. После того как хозяин, в соответствии с условиями программы, удалился из квартиры на время проведения ремонтных работ, в ней появилась группа молодых длинноволосых людей, возглавляемых коренастым парнем, которого Егор ранее представил звезде, как главного дизайнера проекта. Молодые люди в считанные секунды разгромили дорогостоящие и расположенные в самом центре столицы апартаменты певца, превратив ласкающие взор неомещанские интерьеры в неописуемый хлам и порубав в капусту антикварную мебель

предусмотрительно прихваченными с собой буденновскими шашками.

Съемочная группа и не подозревала, что кроется за предложением Егора включить камеры уже в подъезде, чтобы видеть реакцию звезды с самого порога.

Спасло Каляева только то, что наличие состава преступления в его действиях так и не удалось доказать. Телеканал был уведомлен о проведении акции, пусть и не зная ее истинного смысла. Операторская группа представляла телекомпанию на вполне законных основаниях. Строительная фирма, с которой у Каляева был договор подряда, также была абсолютно легальной. Факт мошенничества посредством введение потерпевшего в заблуждение, был недоказуем, поскольку в деле напрочь отсутствовали корыстные мотивы, а наличие добровольно подписанного договора, в котором термин «перепланировка» употреблялся в самом широком значении, не позволял квалифицировать действия Калаева как хулиганство, ибо, по его уверениям, все, что происходило в квартире, «делалось исключительно в целях перепланировки и в строгом соответствии с оригинальным замыслом дизайнера по интерьерам».

У многих мог бы возникнуть вопрос, а на какие средства существуют устроители авангардных перформансов, подобных тем, которые проводил Каляев? В нашем случае ответ был прост – средство для похудания.

У Егора Каляева был свой Интернет-магазин, через который он продавал уникальный способ сбросить лишний вес, который в любом случае начинается со сбрасывания лишних денежных знаков в копилку чьей-то изобретательности. На сайте размещались фотографии счастливых и сверкающих белоснежными улыбками американцев, сбросивших в ходе программы, как говорилось в рекламном тексте, ровно столько, сколько они весят в настоящий момент. Даже беглый просмотр фотографий позволял заключить, что если эти сияющие здоровьем люди действительно сбросили столько, сколько весили раньше, то раньше они должны были весить от 120 до 200 кг, а такой результат впечатлял. И впечатлял, по крайне мере, настолько, чтобы хватило любопытства вбить номер своей кредитной карты в соответствующее поле и нажать кнопку PostTheOrder.

Как и в иных случаях, Егор в полной мере выполнял взятые на себя обязательства. И выполнял их, что характерно, со значительно более серьезными гарантиями, чем это делали его многочисленные конкуренты на рынке борьбы с ожирением. Фотографии людей, сбрасывавших вес, были самыми что ни на

есть настоящими. Сбрасывали эти люди действительно «столько, сколько весили раньше». Избавлялись они от указанного веса на самом деле в ходе рекламируемой программы. Тот же факт, что на фотографиях эти люди были изображены без скафандров, использовался в самых невинных целях, исключительно для извлечения прибыли и одновременного обеспечения полной легальности проекта.

Что такое вес, в строго научном понимании этого слова? Вот именно! Люди платили Егору ту волшебную ренту, которая отделяет обыденный мир от строго научного. Ведь только в обыденном сознании вес измеряется в килограммах, а не в ньютонах, и только в обыденном сознании избавление от веса ассоциируется с утомительными диетами, сжиганием жира и лепосакцией. Ни у кого не возникает мысли бороться с весом посредством сведения к нулю ускорения свободного падения, как величины, на которую в формуле веса умножается масса. Именно поэтому «диетолог Каляев» в качестве рекламных материалов использовал подлинные фотографии не абы кого, а американских астронавтов, тела которых, двигаясь свободно и поступательно в поле тяготения Земли на деньги NASA и в интересах науки, лишались ровно того веса, который они имели до участия в программе орбитального полета.

Всякому заплатившему за программу избавления от лишнего веса Егор Каляев высылал методическое пособие с описанием того, что такое вес, в научном понимании этого слова, и как от него избавиться, посредством сведения к нулю ускорения свободного падения. Для пущей важности Каляев закупил у приблудших казахов с Байконура контейнер с едой для космонавтов, и прилагал к пособию тюбики с орбитальным паштетом в качестве диетического питания при прохождении первого этапа программы избавления от веса. Для участия во втором этапе предлагалась анкета и контактные данные Росавиакосмоса с расценками на полеты по программе «космического туризма». Данный этап был самым дорогим. Помимо этого клиента информировали о последних достижениях науки и перспективах развития отрасли. Говорилось, что учеными всего мира ведутся активные поиски «бозонов Хиггса», понимание природы которых позволит побороть не только лишний вес, но и лишнюю массу, притом не только в одном отдельно взятом физическом теле, но и во всей вселенной.

На вырученные деньги Егор устраивал все новые и новые выставки. Триумфальное шествие скандального искусства продолжалось.

Против одной егоровой выставки открыто выступила

Московская патриархия, против другой – Конгресс еврейских общин, третью попросту разгромили столичные скинхеды. В общем, у Егора были все шансы превратиться в культового художника современности, но тут с ним приключилась какая-то духовная метаморфоза. Он внезапно исчез из поля зрения тех, чьего внимания столь неистово добивался. Одни говорили, что он подался на Тибет. Другие уверяли, что он в Индии. Третьи были убеждены, что его следует искать в Египте.

24

Полковник Капронов ехал по улице Нагорной на своей потрепанной «Волге». Какая-то гнида уже тридцать секунд моргала ему ксеоновыми фарами во все зеркала, требуя уступить дорогу. В конце концов, Капронов не выдержал. «Сейчас я тебе, суке, устрою!» – произнес он почему-то вслух, хотя ехал в полном одиночестве.

Капронов дважды нажал на кнопку своего допотопного телефона. После нескольких гудков в трубке раздался чеканный голос:

– Слушаю, товарищ полковник!

– Митя, «Мицубиси-Паджеро» А935СВ, срочно узнай мне мобильный телефон хозяина.

– Секундочку, – в трубке зазвучал стук клавиатуры – Хозяин Андрей Валерьевич Мацук, телефон 987-35-88.

– Все, спасибо! – пробурчал Капронов и принялся лихорадочно набирать только что услышанную комбинацию цифр.

На стандартное «Алло!», Капронов ответил не вполне стандартным: «Вот я сейчас, Андрей Валерьевич, как дам по тормозам, так что ты своим кенгурятником мне прямо в багажник, аккурат, и въедешь».

Капронов чувствовал, как победное ликование подступает к его груди. Душа его, воспарив в величественном пространстве триумфальных арок, стремительно проносилась по торжественной галерее героев, где между образами Рихарда Зорге, Кима Филба, Штирлица и Джеймса Бонда уже проявлялся и его строгий, но величественный портрет. Капронов был вполне доволен собой, как вдруг из трубки донеслось: «Ты че там, козел, метешь?!»

От неожиданного поворота событий, столь нагло прервавшего триумфальное шествие, полковник машинально врезал по тормозам и серебристый японский автомобиль с тупым грохотом и звоном стекол влепился в багажник капроновской «Волги».

Молодого вихрастого парня, превратившего любимый автомобиль полковника Капронова в выразительное скульптурное произведение, напоминавшее, в зависимости от угла, под которым на него смотрели, то шарф колхозницы творения Веры Мухиной, то мантию Петра Великого работы Зураба Церетели, то бушлат матроса со станции метро «Площадь Революции», звали Толиком. Оказалось, что на машине своего начальника Андрея

Валерьевича Мацюка он на вполне законных основаниях ездил по доверенности.

Узнав об этом, полковник сильно затосковал. Несовершенство мира открылось ему вдруг во всей своей непристойной наготе. Большой и всезнающий брат на глазах превратился в немощного и бестолкового карлика. Распадалась на молекулы казавшаяся столь совершенной и всеобъемлющей философия, в которой смыслом жизни считалось повсеместно обнаруживать врагов в обличии людей, губительных иллюзий, сомнительных идей, порочных желаний и вредных поступков, чтобы затем виртуозно с ними расправляться, невидимо стравив порок с пороком.

Капронову вдруг стало ясно, что этот мир не удержать на поводке. Исполненный тяжелых дум, он брел по мостовой, но проблески великого откровения уже блуждали в его голове.

25

– Как ты думаешь, с ними будет просто договориться? – спросил Артемий.

– Легче договориться с Гимлером о переоборудовании Рейхсканцелярии в синагогу. – ответил парень, сопровождавший Артемия от самых дверей Совинцентра до расположенного на шестом этаже офиса.

– Нет, я серьезно!

– А я, по-твоему, шучу? Если они и стремятся к добру, то только к чужому. Они яркое воплощение топологической аномалии: им многое по плечу, но все по хую.

– Исчерпывающая характеристика! Хоть с порога поворачивай оглобли.

– Мое дело предупредить!

26

– Скажи ка, Маша, этот полосатый зверек, что сидит на кухне все еще состоит у нас на довольствии? – хмуро спросил у жены полковник Капронов.

– Ты имеешь в виду кота?

– Он больше похож на бурундука. Так вот, передай ему, что у меня в стене всю ночь копошилась мышь.

Жена вздохнула и бесшумно удалилась на кухню.

27

С обывательской точки зрения, у Артемия была вполне бестолковая для наших дней профессия. По образованию он был лингвистом, и усугублял это в глазах неравнодушной общественности еще и тем, что работал не переводчиком в каком-нибудь столичном банке, а тратил все свое время на разработку непонятных алгоритмов, призванных, по словам его немногочисленных сторонников, привести к созданию искусственного интеллекта. В отношении подобных работ не существовало единодушия даже в академической среде. Многие не без иронии утверждали, что задачи искусственного интеллекта являются уделом тех, у кого обнаруживаются проблемы с интеллектом естественным. Да Артемий и не стремился обосновывать онтологический статус предмета своих исследований, действуя в духе sapienti sat. Официально он разрабатывал логическое ядро экспертно-поисковой системы, способной анализировать реальный текст и генерировать самостоятельные смысловые сентенции. Он начинал с создания механистически устроенных модулей, которые посредством простого перефразирования порождали новые смыслы из вполне банальных конструкций. Первоначальная задача формулировалась предельно просто и заключалась в автоматизации подбора эпиграфов к реальным текстам.

Со временем алгоритм усложнялся и дополнялся новыми структурами, так что в какой-то момент стал производить впечатление действительно разумной системы. «Человек не является злом, но злом является человек, занимающий не свое место» – это была первая осмысленная фраза, выданная алгоритмом Артемия, реализованным в программе «Al-Farabi». Программу эту многие тогда сравнили со знаменитой «Элизой» Джозефа Уайзенбаума, предрекая ей тот же мимолетный успех забавной безделицы. Бывший научный руководитель Артемия с нескрываемым сожалением рассказывал своим студентам о том, как его любимый когда-то аспирант легкомысленно променял древнеегипетскую иероглифику на никчемные труды, стоящие в одном ряду с изучением аэродинамических свойств летающих тарелок, дешифровкой генома снежного человека и описанием свойств пресловутых торсионных полей.

Жил Артемий, по всеобщему убеждению, на гранты, получаемые от зарубежных фондов, названий которых никто, впрочем, не знал. Никто не знал и сумм, которые можно было

заработать столь сомнительного рода занятием. Судили, в основном, по внешним проявлениям, которые решительно не обнаруживали ничего достойного общенародной зависти.

Была, однако, в жизни Артемия определенная странность, которую никак нельзя было объяснить его академическими пристрастиями. Заключалась она в том, что автора кандидатской диссертации «Общие принципы построения графической этимологии» можно было увидеть в столь различных компаниях, что корреляция между хрестоматийным образом ученого и контекстом его социальных аватар казалась равной нулю.

В один день Артемия могли видеть в Московской торгово-промышленной палате на конференции «Тайваньские инвестиции в высокотехнологичные российские проекты». В другой – в Институте стран Азии и Африки, читающим лекции по коптской грамматике. В третий – на Даниловском рынке, беседующим на непонятном языке с сомнительного вида кавказцами. В четвертый – в клубе «Хинаяна-Диснейленд» в окружении рэперов из группы «Flatness Gage». В пятый – в Комитете по безопасности Государственной Думы Российской Федерации. В шестой – в салоне самолета Indian Air, летящего из Дели в Бомбей. В седьмой – беседующим о сикхизме с лондонским таксистом в кэбе, пробирающемся сквозь пробки в посольский район Кенсингтон.

В хранящихся у полковника Капронова оперативных записях разговоров Артемия, встречались фразы, которые с трудом можно было бы приписать одному и тому же человеку. Однако этот тихий, но уверенный голос, сложно было бы спутать с чьим-то другим и безо всяких на то экспертиз.

Капронов перемотал кассету назад и нажал Play:

«Михаил Петрович, при всем уважении, отличие славянофильского рая от западнического заключается в том, что в последний можно съездить».

Капронов принялся мотать вперед, включая Play всякий раз, когда кассета начинала гудеть сильнее обычного:

«…полное решение этой проблемы носит название глицеринтринитрат…».

«Пень ты резиновый, что ж ты не вкупаешь, эти тэги нельзя использовать. Они хоть и есть в спецификации, но браузеры их не читают, ты же web-disigner и „TR“, и „TD“.

«Единственный цвет в спектре, лучи которого данный предмет не может поглощать, становится названием цвета именно этого предмета. В этом заключается дурная логика сенсуалистских наименований. Это все равно, что человека, который вовсе не принимает алкоголь, назвать алкоголиком».

«Ты за такие разговоры, Марик, башку свою хитрую однажды

сложишь в свекольный бурт! И безо всякой Юдифи!»

«If you want to know your children better, scrutinize their label, Jess».

«Вот они тут крутят рекламу всякую и уже задрали повторять, что это средство убивает „все известные микробы“. Если микробы живые, а об этом говорит этимология их названия и тот факт, что их собираются этой жизни лишить, то в винительном падеже неплохо было бы использовать окончание -ов, и хваленым средством убивать микробов, а не их неодушевленные тушки».

«Если аккредитив для тебя является венцом финансового творения, то я умываю руки!»

«There are only two types of business, John. Those are show business, and hide business. There is no business in between».

«Вот он все учит, и учит, свой английский, а спрошу его, как будет „бля“ по-английски? – не знает!».

«Things are neither chip nor expensive. They are either affordable or not. So, get it for me».

«В мистериях Осириса царь мог принимать участие, совершая одно из священных действий в виде маа – созерцания, дуа – восхищения, сен та – целования земли, дит иау – вознесения молитвы. Обратите внимание на иероглиф „звезда“ в слове „восхищение“, но избавьте меня от Голливудских ассоциаций».

«This yacht is not fast, Krishnamurti! Yacht means ‘fast’ in Dutch, but this one certainly isn’t».

«Если тебя используют как марионетку, постарайся, по крайней мере, выглядеть марионеткой убежденной».

Капронов нажал Stop и расплылся в ехидной улыбке.

28

Ленивая корова апрельских московских хлябей жевала размокшие башмаки прохожих, тупо разглядывая заплывшими глазами окон бороздящие снежную жижу автомобили.

Арина покинула северные владения Персефоны на станции метро «Маяковская» и быстрым шагом устремилась в сторону редакции. В маленькой кожаной сумочке с монограммой «ANK» она несла дискету с очередным идиотским объявлением.

Арина работала в странной конторе, именуемой «Фондом возвращения рек в старые русла». Организация была некоммерческой, но деньгами ворочала такими, что, порой, захватывало дух. Начальник Арины был человеком неразговорчивым и скучным. Большую часть дня он проводил, запершись в своем огромном кабинете на втором этаже бизнес-термитника, именуемого «Park Place». Никакого парка по близости не было, хотя намек на игру «Монополия», являлся, несомненно, удачным. Улица Миклухо-Маклая пестрым конфетти общежитий Университета Дружбы народов врезалась в этом месте в бурлящий машинами поток Ленинского проспекта. Обручальное кольцо МКАДа навеки роднило это серое здание с разухабистой московской роскошью, давая столичной невесте в приданое седого музыканта с консерваторским дипломом, играющего целый день в пространном холле Бетховена на черном рояле Stainway, бесшумно несущие вас в небо лифты Otis, хайэндовые музыкальные центры BangOlufsen и огромные плазменные мониторы Sony Trinitron, на которых, без сомнения, лучше видно бегущие строчки финансовых новостей Bloomberg.

Каждый четверг директор «Фонда возвращения рек» посылал Арину в редакцию какой-нибудь серьезной газеты, для того, чтобы разместить там очередное объявление, содержание которого либо озадачивало, либо вгоняло в краску абсолютное большинство тех, кто его читал. На прошлой неделе Арина получила задание разместить в «Коммерсанте» на целой полосе всего одну строчку: «Группа криворуких раввинов избавит вас от проблемы супружеского долга». Никаких контактных данных, никакой информации о компании, не говоря уже об общем смысле затеи – только маленький символ, похожий то ли на лук с тетивой, то ли на располовиненный скелет латимерии. Две недели назад объявление, размещенное в «Финансовой газете», звучало еще занимательнее: «Банк спермы выдает кредиты на 9 месяцев под низкий процент», а еще раньше, в «Новой России»

появилось лаконичное: «Свобода! Равенство! Братва!»

Девушка, встретившая Арину в редакции, была занята сразу двумя делами, очевидно, имевшими для нее одинаковую важность. Прижав трубку к уху плечом, она рассказывала по телефону какой-то из своих подруг о том, как с неким Аликом на прошлой неделе она резвилась на Сейшеллах. Одновременно девушка водила по смуглой руке разноцветными бумажными полосками, сосредоточенно подбирая по шкале Pantone точное цифровое соответствие оттенку своего загара.

– Свет, я тебе перезвоню! – скороговоркой произнесла она в трубку и повернулась к Арине. – Добрый день! Чем могу Вам помочь?

– Я хочу разместить объявление, – устало сказала Арина.

29

В кофейне «Бублик-Relations» народу в будние дни собиралась тьма. Полина сидела у окна, выстукивая по черной полировке стола изрезанными скрипичной струной подушечками пальцев нервное стаккато. Егор появился из толпы внезапно с подносом сладостей и умиротворенной улыбкой на лице.

– Что тебя так радует? – шепотом спросила Полина. – За тобой приходили! Тебя ищут!.

– Я знаю! – спокойно ответил Егор. – Я взял тебе «White Flame» – это очень вкусно.

– Что вкусно? – Полина не сдержалась и заплакала.

– Ешь! – тихо сказал Егор и поцеловал ее руку.

– У меня там какая-то клубника! – всхлипывая, произнесла Полина.

– Покопайся там еще, ты и садовника найдешь с граблями.

– Сумасшедший! – Полина зарыдала.

– Все идет так, как должно идти! – сказал Егор, погладив ее руку. Затем он встал и через несколько секунд бесследно растворился в толпе.

Полина испуганно водила глазами по залу, но сквозь слезную пелену проступали лишь незнакомые лица.

30

В этот день начальник Арины с самого утра невероятно суетился и нервничал. Он то хотел, чтобы она подготовила ему данные по проекту Асуанской плотины, то требовал последние выписки из банка, то просил принести ему отдельные тома Британники со статьями Mahapralaya, Ganges River, Bhagirathi, Alaknanda, Mandakini, Dhauliganga и Pindar. Первой статьи, равно как третьей, четвертой, пятой и шестой, там вообще не оказалось. Последняя же была посвящена древнегреческому автору эпиникий, а не истоку Ганга, как того требовалось.

Затем он послал Арину за Cart Noire, который та про себя называла «черной меткой», а когда она вернулась, заказал сварить кофе по-арабски.

В городе тоже творилось что-то неладное. Горело здание Института прикладных проблем аннигиляции. К месту пожара стянули десятки машин. Люди в серебристых костюмах и изолирующих противогазах почти сутки боролись с пламенем, но, судя по всему, сделать ничего не могли. Телеканалы срывались с катушек на фоне зарева пожарищ, на все лады перепевая различные версии о каком-то мощном реакторе, секретном бункере под институтом и угрозе масштабного взрыва.

Пока Арина наблюдала за происходящим на громадном плазменном мониторе, дверь офиса неожиданно отворилась, и в помещение вошел высокий стройный человек с лицом, исполненным спокойной уверенности. На нем был черный, как индийская ночь, костюм из десятиунцевой баратеи, аккуратно пошитый лондонскими модельерами из дома номер 8 на улице Savile Row. На темно-красной сорочке лишь контуром тени выделялся точно такого же цвета шелковый галстук. Смоляные волосы вились по его голове тысячами маленьких змей.

Он посмотрел на Арину пронзительным взглядом, загадочно улыбнулся и после паузы произнес:

– Я хотел бы видеть Павла Евгеньевича!

Арина не могла отделаться от мысли, что она уже где-то видела этого человека. Но вот где?

– Одну секундочку! – от проносящихся в ее голове мыслей она забыла произнести ритуальное: «Как Вас представить?»

Глава фонда застыл в своем кресле, как натянутая рояльная струна.

– Павел Евгеньевич Вас ждет! – удивленно произнесла Арина, выходя от своего шефа.

Как только таинственный человек скрылся в кабинете главы фонда, Арина прильнула ухом к двери.

– Здравствуй, Павел! – произнес незнакомец.

– Здравствуйте, Артемий Владимирович! – с натугой улыбаясь, произнес глава фонда.

Артемий уселся в черное кожаное кресло, сливавшееся по цвету с его костюмом и делавшее его еще больше в глазах испуганного Павла Евгеньевича.

– Ты не задумывался, – спокойно начал Артемий, – почему дети дают прозвища даже тем, чьи фамилии сами по себе звучат как клички?

Ответа не последовало, и он тихо продолжил.

– Если ты не Волков, а уже какой-нибудь Волк, и всем, казалось бы, уже должно быть вполне смешно – тебя все равно будут звать Волчарой, Вервольфом, Ну-погоди! – только бы не так, как записано в твоем свидетельстве о рождении. – Артемий усмехнулся, – Говори после этого, что в человеке не заложена тяга к тотальному переустройству мира. Была бы его воля, залез бы в каждую молекулу мироздания со своими планами.

Глава фонда испуганно вжал голову в плечи.

– А что человек получает в награду за свое неуемное творчество, – продолжал Артемий, – кроме коровьего бешенства, озоновой дыры и временного решения тех проблем, которые в перспективе порождают еще большие проблемы?

По спине Павла Евгеньевича забегали мурашки.

– Ответ до банальности прост! – заключил Артемий и после долгой паузы произнес. – Он получает подтверждение собственного существования.

Глава фонда оцепенело уставился на красный галстук гостя.

– Ты спросишь, – продолжал Артемий. – Разве для этого недостаточно просто боли в печени? Да и зачем нужно это самое подтверждение? Какой в нем прок? Если у тебя есть апельсин, зачем тебе подтверждение, что он действительно у тебя есть?

Артемий взял из стоявшей на столе корзины с фруктами оранжевый плод и протянул его Павлу Евгеньевичу. Тот перевел взгляд с галстука Артемия на апельсин, но оставался сидеть неподвижно. Радужные оболочки его глаз застыли, как две рулетки казино в момент, когда крупье сгребает со стола ваши последние фишки.

– Если апельсин у тебя один, – продолжал Артемий, – и ты уверен, что он твой, то подтверждение, быть может, и не нужно. Но если ты не уверен – ущипни себя и проверь, что это не сон, напиши крупными буквами на стене, что здесь был именно ты, разрежь кресло в театре, чтобы доказать, что ты в этом мире не

менее реален, чем объект твоего вандализма.

Артемий поднялся с кресла, шагнул к выходу и уже у самой двери произнес:

– Помни, что гипертрофированная идея необходимости движет не только людьми, склонными к ананкастической психопатии! Ты получал деньги за то, что рисовал на этой планете наши узоры. Ты это делал не по собственному разумению, а по нашему благоволению. Но ты решил пренебречь рядом необходимостей и теперь сам не можешь понять, где ты находишься. – Артемий взялся за ручку двери, потом обернулся, пристально посмотрел на главу фонда и тихо произнес. – Лабораторные крысы гибнут не от регулярных разрядов тока, а от язвы, вызванной внезапностью внешних воздействий.

Арина отскочила от дверей и шлепнулась в крутящееся кресло перед компьютером. Она отчетливо вспомнила, где ей встречался сегодняшний незнакомец.

31

Серебристая Alfa Romeo бесшумно и плавно вкатилась во двор. Стая неуклюжих ворон взмыла в вечернее хмурое небо. Артемий перепрыгнул через лужу, щелкнув кнопкой на ключе, и облизанный ветрами аэродинамических труб блестящий ларец за его спиной, издав жалобный писк и моргнув обеими фарами, закрылся на все свои хитрые засовы.

На маленькой лавочке у самого подъезда сидела девушка в капюшоне, закрывавшем ее лицо.

– Здравствуй, Арина! – улыбнувшись, сказал Артемий.

– Мерзавец! – закричала она. – Отвечай, что все это значит? Ты ко всем приходишь так, что после этого они бросаются вниз головой с Кузнецкого моста?

– Мы собираемся говорить об этом прямо здесь или выйдем сразу на Красную площадь с мегафонами в руках и скандирующими толпами за нашими спинами? – улыбаясь, спросил Артемий и открыл перед Ариной дверь.

Она удивленно посмотрела на него и неуверенно вошла в подъезд.

Как только двери лифта закрылись, Артемий наклонился к самому уху Арины и шепотом спросил:

– Он оставил какую-нибудь записку?

Сердце Арины заколотилось в груди, словно кошка в картонной коробке.

– Он написал, – произнесла она, почти теряя сознание, – «Я не могу ждать своей смерти всю жизнь».

– Бедный Паша! – усмехнулся Артемий. – Это так банально, так глупо, и так предсказуемо.

Лифт замер на последнем этаже роскошной московской высотки. Голова у Арины кружилась, будто она в дикий шторм на большом корабле танцевала вальс в бабушкиных толстых очках.

Замок щелкнул, дверь распахнулась, и яркий свет ударил в глаза. Перед Ариной предстало жилище столь странного вида, что ему вряд ли нашлось бы место даже в самом смелом архитектурном журнале.

Вместо полов в прихожей толстым слоем были насыпаны белые фарфоровые шары размером с грецкий орех. Все они были исписаны какими-то платиновыми знаками, не похожими ни на китайские, ни на египетские, ни на какие-либо иные из известных иероглифов. Можно было перебрать сотню, но не найти и двух похожих.

На противоположных стенах цвета индиго были сделаны барельефы, изображавшие крылатых волков в червонно-золотых звездах. На двух других, выкрашенных в яркий карминовый цвет, алые волки с развевающимися крыльями застыли в долгом прыжке. Стоило сделать шаг по комнате, как свет в прихожей начинал мерцать, меняясь с красного на синий, отчего волки пускались бежать по стенам, оборачиваясь, то причудливо плывущими по ночному небу созвездиями, то фиолетовыми призрачными тенями. Целая комната быстро вращалась в мерцающем свете, и всякий стоявший в ней оказывался словно бы в центре бешено вертящегося куба, по стенам которого метались крылатые волки.

Арина схватила Артемия за руку, и он молча провел ее в зал. Здесь ее глазам открылись куда более удивительные интерьеры.

Громадный зал по периметру был уставлен медными статуями в человеческий рост. Их было не меньше пятидесяти, и все они служили причудливыми полками для книг. У одной для этого было проделано прямоугольное отверстие в груди, у другой – книги были выставлены веером за спиной, образуя подобие ангельских крыльев. У скульптуры, изображавшей стройную восточную женщину, они лежали стопкой на голове, а у той, что застыла в танце – скрывались в складках развевающегося платья. У скульптуры музыканта в молдавском национальном костюме меха гармони были набраны из редкого издания?uvres completes Максимилиана Робеспьера, а у французского шарманщика инструмент был сделан из восьмитомника Флобера под редакцией Луначарского и Эйхенгольца.

Некоторые скульптуры были закреплены перпендикулярно стенам. Одна из таких композиций представляла барельефный рояль в проекции сверху и пианиста, торс которого нависал со стены параллельно полу. Клавиши рояля образовывались восьмьюдесятью шестью томами Энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Над их золотыми корешками взметнулись тонкие пальцы медного пианиста. Из противоположной стены в зеркальном ракурсе выступал торс человека с веслом. Лавки в барельефной лодке, которую он, борясь с гравитационной стремниной, словно бы пытался причалить к потолку, образовывались ровными рядами Miscellaneous Works Томаса Юнга и Philosophiae Naturalis Principia Mathematica Исаака Ньютона.

В правом углу комнаты размещалось скульптурное изображение Папы Павла IV, привлекавшего внимание необычностью композиционных решений. Здесь ревнитель католической веры представал в полном облачении, но с каким-то явно не подобающим его сану лотком, похожим на тот, с

которым в сталинскую счастливую пору общепитовские барышни в накрахмаленных кокошниках разносили по цирковым рядам шоколадное эскимо. Переднюю грань лотка украшала гравированная надпись Index librorum prohibitorum. Представленный в столь чудаческом виде, глава Ватикана нес в народ сочинения Вольтера, Джордано Бруно, Джона Оуэна, а также уже знакомый Арине труд профессора Двенадцатитаблицина. Слева от него красными авангардными буквами на белом фоне светился корешок какого-то, судя по всему, футуристического издания «Рево-ever-люция», а в самом центре стояла увесистая книга с явно псевдонаучным названием «Реконструкция индоевропейских иероглифов».

Арина медленно тонула в загадочной паутине интерьеров. В полном изумлении от увиденного, забыв о том, что привело ее в этот странный дом, она плавно опустилась в стоявшее посреди зала кресло и закрыла глаза.

В комнате тихо заиграла гитара. Звуки фламенко маслянистыми струями вытекали из хитроумных реторт цифровой обработки, сплетаясь в смоляные косы реверберирующих андалузских гармоний, переливаясь в пространстве каплями флэнджерной ртути и превращаясь в тонкую серебристую амальгаму, немедленно коснувшись слуха.

Холодная ладонь дотронулась до щеки Арины. Тонкие пальцы скользнули по коже, проведя плавную линию от века, до виска. Не отрываясь, они медленно очертили контуром ее лицо до подбородка. Потом, словно стирая слезу, скользнули вниз с ее ресниц, коснувшись уголка губ.

Арина чувствовала дуновение ветра, атласными лентами лижущего ее тело. На мгновение все замерло, и когда ей уже захотелось открыть глаза, она внезапно оказалась в крепких объятиях, жадно впиваясь в целовавшие ее губы.

32

Запах талого снега струился через открытое окно спальни. Субботнее апрельское утро в амидоловом мутном растворе туманов проявлялось из сумеречных галогенидов реальности чистым серебром праздной городской суеты.

Арина лежала на огромной кованой кровати и разглядывала рыб, медленно плавающих в самом удивительном аквариуме, который она когда-либо в жизни встречала.

Это была трехметровая барельефная скульптура, каким-то чудесным образом отлитая из стекла. С совершенством, достойным самого Бенвенуто Челлини, она изображала то ли ангела, спорхнувшего с небес на землю, то ли человека, ныряющего в глубину. Сразу два стройных тела, стрелками часов повернутые вокруг одной головы, словно бы спрессовывали разные мгновения завораживающего нисходящего движения. Одно тело еще парило в воздухе, а другое, уже опустилось на землю. Ангел одновременно летел по небу и печально сидел на земле, обнимая колени руками. Изгиб плеча и шеи были задуманы столь мастерски, что каждая фигура в отдельности выглядела абсолютно естественно, оставаясь, тем не менее, неразрывной частью хитроумной скульптурной кефалопагии.

Внутри замурованного в ультрамариновую стену светящегося стеклянного барельефа, в несбыточных мечтах о далеком Саргассовом море уныло плавали речные угри Anguilla anguilla.

В зале были слышны какие-то голоса.

Арина встала, набросила на себя пурпурный индийский халат, расшитый золотыми санскритскими мантрами, и, крадучись, вышла из спальни.

С каждым шагом голоса становились все отчетливей. Теперь она ясно слышала, как чтение Артемия прерывается заливистым детским смехом.

«Жил когда-то на земле дикий зверь, – после каждой строчки до Арины доносилось смешное рычание. -
Страшный обликом своим, верь – не верь!
Был лохмат он, как нутро кокоса.
Серый, словно пепел, от хвоста до носа.
Не носил зимою он ботинки,
Не лакал он молоко из крынки,
Но таскал из деревень коров.
Он такой диеты нездоров

Становился он и, воя на луну,
Проклинал родимую страну.
Тело бренное лесной тропой сей зверь влачил без толку,
Оттого его прозвали волком».

Артемий сидел в плетеном ротанговом кресле в самом центре огромного зала. На коленях он держал маленькую девочку отроду лет пяти. Темные кудри вились по ее голове завитками аммонитовых ракушек, спадая на плечи тонкими лентами ламинарий.

– Доброе утро! – ласково сказал Артемий появившейся в дверях Арине.

Она стояла, удивленно разглядывая девочку.

– Подрабатываешь нянькой по выходным? – настороженно спросила она.

Артемий пристально посмотрел на Арину и тихо ответил:

– Это моя дочь!

В тот же момент девочка соскочила с его колен и вприпрыжку побежала в спальню.

– А куда подевалась ее мать? – с вызывающей прямотой спросила Арина.

– Это не самая простая история! – печально ответил Артемий.

– Уж постарайся мне рассказать! – с нескрываемым раздражением в голосе потребовала Арина.

– Ты знаешь, что написано у тебя на груди? – неожиданно спросил он.

– Это не то, о чем я спрашиваю! – продолжала Арина, нервно теребя лацканы пурпурного халата.

– Зато это о том, как ты спрашиваешь! – спокойно ответил Артемий и после паузы произнес, – Там написано «Яс ту сарваани, бхутаньятманьева, анупашьяти», что на санскрите значит «Кто видит мир в едином дыхании, тот никогда и никого не ненавидит».

– Очень красиво! Я это непременно запомню! А теперь ты можешь ответить прямо? – Арина старалась, насколько это возможно, сдерживать бушевавшие в ее груди страсти.

– Ты хочешь знать, где моя жена? – задумчиво произнес Артемий и надолго замолчал.

Из соседней комнаты доносилось веселое щебетание ребенка, который, похоже, пытался разговаривать с рыбами.

– Три года назад, – наконец заговорил Артемий, – в Северной Бермудской Лагуне у рифов Брэкиш Подн Флэтс ее растерзали акулы Galeocerdo Cuvieri. Те самые, что глотают даже уголь. Она

писала о них книгу.

Артемий встал с кресла и подошел к статуе, изображавшей Афродиту. Из похожей на веретено раковины Mitra episcopalis, которую богиня держала в руках, он достал маленькую книгу.

– Вот она! – тихо сказал Артемий.

За вуалью внезапно нахлынувших слез, перед Ариной медленно проплывало трагически безмятежное название «Жизнь и повадки тигровых акул». Обрывки нелепых воспоминаний стали внезапно проноситься в ее голове. В первой букве Арине вдруг померещились три лисьих хвоста на манто отвратительной дамы, которую она на днях повстречала в Смоленском пассаже. «З» в слове «жизнь» показалось ей гадким отворотом манжета у официанта из «Савоя», свесившего с руки полотенце, и по-лакейски улыбающегося в ожидании чаевых. Заставив ее вздрогнуть, «д» неожиданно обернулось капюшоном кобры, бешено бросившейся на стекло перед ней в гурзуфском экзотариуме.

Арина взяла в руки книгу и повернула ее по стрелке часов. Словно взведенная пружина, буквы названия внезапно сорвались с ультрамарина обложки и белым фонтаном брызнули в небо, рассыпавшись на мелкие соленые брызги. Лишь только «А» из «акул», мерцая перед глазами тысячей бриллиантовых капель, медленно улеглась на правый бок, превратившись сначала в громадный серебряный плуг, а затем в белоснежную быструю яхту, несущуюся по сапфировым океанским волнам.

В комнате вновь появилась девочка. Ее лицо сияло от счастья. На руках она держала громадного рыжего кота, похожего на шотландскую волынку, которую изваляли в кирпичной пыли. Его задние лапы смешно волочились по полу.

Арина внезапно почувствовала, что всем своим сердцем любит эту маленькую девочку.

Она подошла к Артемию, прильнула к его уху и тихо произнесла:

– Прости меня! Прости!

– Собирайся, – улыбаясь, сказал он ей. – У нас очень много дел!

Затем он посмотрел на ребенка, хлопнул в ладоши и радостно объявил:

– Сати, милая! Отпусти этого сарделечного монстра! Мы едем играть в кукол!

Звонкое «Ура-а-а!» разнеслось по комнате, заставив толпу медных статуй покорно вторить одобряющим эхом мембранного перешептывания.

33

– Играть в кукол? – переспросила Арина уже в машине.

– Ты все увидишь сама! – ответил Артемий.

Машина заглатывала ленту дорог, словно политые оливковым маслом спагетти. Не прошло и двадцати минут, как Артемий остановился у большого оранжевого здания, по периметру которого тянулся белый барельеф из пляшущих горбатых человечков, а над дверями красовалась лазурная вывеска: «Мультинелла».

Артемий открыл дверь перед Ариной и Сати. Девочка быстро вбежала вовнутрь, второпях расстегивая пуговицы на миниатюрном кашемировом пальто. Гардеробщица приветливо улыбнулась.

Арина удивленно шагала по коридору, увешанному маленькими квадратными зеркалами, на которых были изображены знаки, похожие на те, что она видела в доме Артемия. Вскоре все трое вошли в огромный зал, напоминавший масштабную выставку. Единое пространство павильона было разделено разноцветными ширмами, за которыми сосредоточенно суетились дети.

Артемий посмотрел на чернильный отпечаток на запястье Сати и указал рукой на стенд номер 14. Девочка уверенно подбежала к ширме и включила свет. Глазам Арины открылась кукольная сцена со средневековыми декорациями, аккуратно расставленными на массивном постаменте. Яркий прожектор, плавающий в трех измерениях по металлическим рейкам, висел над площадкой. На таком же трехмерном тельфере над сценой двигалась съемочная камера.

Сати подбежала к монитору, быстро набрала на клавиатуре свое имя, и на экране появился список кукол. Выбирать их, похоже, можно было не только по персонажам, но и по их одежде. Арина видела, как Сати щелкнула по два раза на Бригелле, одев его в красный костюм, Арлекине, украшенном сине-алыми ромбами, Серветте в белом переднике, и Пульчинелле в накидке цвета жженой сиены.

Артемий указал Арине на кресла, установленные перед сценой, и деревянный стол, на котором лежало меню в грубом замшевом переплете.

– Что это за место? – шепотом спросила Арина. – Я никогда о нем не слышала!

– Смотри! – таинственно улыбаясь, сказал Артемий. – Ты все

увидишь сама!

Через мгновение перед ними появился официант:

– Что будете заказывать? – спросил он, обращаясь к Арине, но, увидев ее замешательство, перевел взгляд на Артемия.

– Как насчет Капучино с Неаполитанским тортом? – спросил у Арины Артемий. Та молча кивнула в ответ. – Два раза! – моргнул он официанту, – и большой ванильный коктейль для Бернардо Берталуччи.

Официант улыбнулся и торопливо направился выполнять заказ.

Сати носилась вокруг сцены, расставляя декорации. По прошествии нескольких минут на боковой ширме загорелась оранжевая лампочка, и звякнул колокольчик. Сати подбежала к стене и нажала на светящуюся кнопку. Дверцы крошечного лифта отворились, и Арина увидела четырех кукол, точно соответствовавших тем, что были выбраны на мониторе. Сати собрала их в охапку, перенесла на сцену и принялась аккуратно расставлять меж декораций.

Куклы были сделаны столь искусно, что у них двигались не только руки, ноги и голова, но еще и пальцы, и брови, и губы. Сати поставила Пульчинеллу перед камерой, подбежала к монитору и подпрыгнула на круглой площадке перед монтажным столом. Круг под ее ногами загорелся желтым светом, а на мониторе развернулось изображение снимаемой сцены. Сати перепрыгнула на красную площадку с изображенным на ней белым крестом, и картинка стерлась с монитора. Теперь все было готово к съемке.

– Это рай для детей! – с изумлением сказала Арина, глядя на происходящее.

– А для кого-то раем является зрительское кресло в аду с созерцанием чужих мук. – грустно заметил Артемий.

– Послушай! – сказала Арина, пристально глядя ему в глаза – Все это сводит меня с ума! Ты сводишь меня с ума!

– Мой дед как-то не без иронии заметил, – констатировал Артемий, – что если сводить женщин с ума, то рано или поздно окажешься окруженным сумасшедшими женщинами.

– Смешной у тебя был дед! – обиженно произнесла Арина.

Из– за ширмы появился официант. На серебряном подносе он держал две белых фарфоровых чашки с удивительно тонкими ажурными ручками. Залитый сверху шоколадом Неаполитанский торт был похож на вулкан Везувий.

– Ты знаешь, как делают эти ручки? – спросил у Арины Артемий, показывая на фигурные лепестки, прикрепленные к чашкам.

– Представления не имею! – честно призналась Арина.

– Их вышивают из тонких льняных нитей, выдерживают в сметанообразной фарфоровой массе, а затем обжигают в печах. Нити выгорают, а фарфор, которым они пропитались, превращается в ажурное кружево. Так можно сделать и целое свадебное платье из фарфора.

– Я должна искать в этом рассказе какой-то потаенный смысл? – с лукавством в голосе спросила Арина.

– Если тебе это будет угодно! – спокойно ответил Артемий.

Два часа пронеслись незаметно.

Сати дважды подпрыгнула на желтом круге, и на экране развернулось целое действие. Кукольный Бригелла взмахнул рукой, очертив в воздухе фигуру, похожую на латинское D. Серветта торопливо достала из сундука лук со стрелами и протянула его Пульчинелле. Тот выстрелил, и игрушечное яблоко упало с дерева на голову Арлекина.

– Сати, милая! Ты даже не представляешь, насколько умным кажется мне твое произведение. – сказал Артемий, целуя дочь, подбежавшую к столу и жадно пьющую ванильный коктейль. – Мы скоро уходим, – добавил он, – я попрошу, чтобы нам записали твой фильм.

Сати сделала выражение лица, похожее на печального спаниеля, но через мгновение улыбнулась и деловито побежала собирать кукол со сцены.

34

По возвращении домой, Сати убежала в самую дальнюю комнату и не выходила оттуда, пока Артемий не позвал всех обедать.

Мощный дубовый стол, который увидела Арина, был больше похож на лабораторный, чем на обеденный. Помимо тарелок на нем стояли какие-то хитроумные штативы, свечи, реторты, повсюду тянулись немыслимые медные трубки, цепочки, веревочки, а в самом центре стояли старомодные кухонные весы.

– Что делать, папа? – с нетерпением спросила Сати.

– Выпить сок через соломинку! – ответил Артемий.

Сати уселась в кресло и принялась пить сок.

Артемий выдвинул стул и жестом пригласил на него Арину. Та села, не отрывая взора от Сати. По мере того, как ребенок вытягивал сок через соломинку из высокого стакана, в стеклянном цилиндре напротив опускался уровень, ведя за собой поплавок. Когда сока оставалось уже на самом дне, поплавок оторвался от поверхности и взметнулся вверх на прикрепленной к нему леске. Подвешенное на штативе коромысло опрокинулось, и из ложки, закрепленной на его противоположном конце, по медному желобу, переваливаясь с боку на бок, покатился грецкий орех. Коснувшись стола, он толкнул длинную завитую спиралью свечу, которая, упав, подожгла пропитанный маслом фитиль. Пламя быстро вскарабкалось по нему до медной трубки, отведенной от латунной чеканной супницы, поставленной на высокий литой треножник. Некоторое время огонь облизывал участок трубы, оплетенный фитилем по спирали, пока из медных кранов, закрепленных над тремя пиалами, не полился ароматный грибной суп.

Сати захлопала в ладоши. Артемий довольно улыбнулся. Не скрывая своего восхищения, Арина спросила:

– И часто ты устраиваешь такие представления?

– Каждое воскресенье! – ответил Артемий, отламывая черный хлеб. – Каждое воскресенье!

– А почему суп не вылился сразу? – спросила Арина.

– В трубке был кусочек замороженного сливочного масла. – объяснил Артемий.

Когда с супом было покончено, он принес из кухни красивое блюдо, на котором стояли три корзинки, сплетенные из длинных картофельных чипсов и зажаренные целиком в оливковом масле. В каждой корзинке лежали кусочки печеной утки с дольками

зеленого сочного яблока.

Арина забыла, когда она пробовала что-либо вкуснее, чем то, что было ей подано в этот день.

Закончив с обедом, Сати сказала «Спасибо!», выбралась из-за стола, подошла к Артемию и, теребя его за рукав, тихо попросила:

– Папа, давай заведем собаку!

– У тебя уже есть кот, а у него тоже четыре лапы и хвост! – гладя на нее, ответил Артемий.

– А мама сказала, что она не против! – жалобно пропела Сати.

Артемий закашлялся.

– Ну тогда придется покупать собаку! – сказал он наконец, – И какую ты хочешь?

– Мама предложила лабрадора! – радостно сказала Сати.

– Ну лабрадора, так лабрадора! – скороговоркой произнес Артемий.

Арина вопросительно посмотрела на него. В ее глазах блестели слезы.

– Я хотел, чтобы ты сначала привыкла! – сказал Артемий, глядя в стол.

– К чему? – зло спросила Арина. – К твоей лжи?

– Хорошо, – сказал Артемий, и потянул Арину за руку, – пойдем со мной!

Ее сердце заколотилось. Дойдя до конца длинного коридора, она уже не чувствовала своих ног. Кузнечным прессом кровь громыхала в ее ушах.

Артемий открыл белую дверь, и глазам Арины предстала чисто убранная спальня. В зеркалах трельяжа, стоявшего у стены, отражались флаконы дорогих духов и тюбики французских кремов. Кровать была пуста. На столе у изголовья стоял плазменный монитор, по которому пробегали разноцветные осциллограммы.

Кровь застыла в жилах Арины.

Артемий набрал на клавиатуре длинную комбинацию символов, и на экране плавно проявилось изображение женщины. Она сидела в серебристом кресле под белоснежным зонтом на берегу океана. Ее красота была испепеляющей. Волосы цвета жженой виноградной лозы атласными лентами спадали на тонкие плечи, обнятые молочными шелками платья, расшитого серебряными нитями торжокских кованых швов. Тонкие брови дамасскими клинками взметнулись над бахромою черных ресниц. В бездонных глазах светился зеленоватый огонь абиссальных асцидий. Карминовые губы слились в одну точку, словно вязкие капли крови на узорчатой булатной стали.

– Познакомься, это Арина! – сказал Артемий, пристально

вглядываясь в экран.

– Арина! – повторила задумчивым голосом таинственная красавица. – Какое возвышенное имя! Как Альпы, Арденны или та гора, на которой укрылся Ной со своим ковчегом! Ты любишь ее? – внезапно спросил тот же голос.

– Ты хочешь, чтобы я ответил прямо сейчас? – грустно спросил Артемий.

– Нет! – произнесла она.

Арина пыталась найти глазами камеру, которая бы посылала их изображения сидевшей на берегу океана незнакомке в обмен на то, что получают они, но ничего похожего не было видно.

– Сати сказала, что ты ей разрешила завести собаку? – переспросил Артемий.

– Да! – улыбнувшись, сказала красавица. – Лабрадора, если ты не против?

– Знаешь, хоть я и создал этот мир, – с печалью в голосе произнес Артемий, глядя в монитор, – но я никогда не был в состоянии предсказывать ни происходящих в нем событий, ни, уж тем более, царящих в нем желаний?

Арине показалась странной фраза «я создал этот мир», но она не решалась спросить, что все это значит. Артемий же тихо продолжил:

– Так почему лабрадора?

– Потому, что lavrador по-португальски значит… – незнакомка не успела договорить, как Артемий подхватил ее слова:

– …«земледелец»!

В тот же момент на его глазах навернулись слезы. Он сдавленно произнес «Прости!», коснулся рукой клавиатуры, и изображение исчезло с монитора.

– Что все это значит? – в недоумении спросила Арина.

Закрывая глаза руками, Артемий произнес:

– Пойдем! Не здесь! Я все тебе объясню!

Покидая комнату, Арина заметила на столе деревянную статуэтку египетского крестьянина, идущего за плугом с упряжкой пятнистых быков.

Оказавшись в зале, она взяла Артемия за руку и вновь спросила:

– Ты можешь объяснить, что происходит? Ты сказал, что твоя жена погибла! Потом этот – Арина на мгновение запнулась, подбирая нужное слово, – телемост!

Артемий понуро глядел на раковину Mitra episcopalis в руках медной статуи. Казалось, что сама действительность ускользает от него в изгибах никомедовых конхоид. Арина несколько раз

сжала в руках его ладонь и пристально посмотрела ему в глаза. Артемий очнулся.

– Прости! – произнес он, наконец, и тихо заговорил, – Это совсем не простая история. И совсем не обычная! Четыре года назад, когда Милада еще кормила грудью Сати и готовилась к новой экспедиции, окружив себя стеной из трудов по ихтиологии, я пытался доказать Академии наук в Саламанке свой свежесформулированный принцип предельности информации. Я утверждал, что если разрешение и цветовосприятие человеческого глаза выразить в байтах соответствующего по качеству и размерам изображения, умножить на предельную частоту восприятия зрительных образов, прибавить к этому количество смысловых символов, которые человек за свою жизнь может усвоить из прочитанных книг, услышанных слов и распознанных жестов, равным образом, выразив данную величину в байтах, а полученную сумму умножить на произведение максимального срока человеческой жизни на актуальное население планеты, то получится величина, которую можно считать пределом информации на планете. Больше картинок и слов не потребуется, поскольку их просто некому будет воспринимать. Это почти как в насыщенном растворе пытаться растворить щепотку соли. В действительности же, мы давно уже перешагнули этот предел. А это значит, что в мире есть сотни вещей, событий, явлений, которые никто никогда не увидит, не услышит и не заметит. Они, как кристаллы соли в насыщенном растворе – лежат на самом дне.

Арина пристально смотрела на Артемия, с удивлением обнаруживая, что отчетливо понимает все, о чем он говорит.

– Потом для меня стало очевидным, что должна существовать вероятность, с которой эти частицы соли либо будут растворены, либо останутся лежать на дне. Я внезапно осознал, что этой вероятностью никто не управляет. Надо просто попытаться сдвинуть эти слои. Сделать видимое невидимым, а невидимое видимым. Ты спросишь, как же это возможно? Если ты что-то увидел, пусть даже и один на целой планете, оно уже не может считаться невидимым. Так оно и есть! Вот почему мне и понадобились в союзники те, кого, в строгом смысле слова как бы и не существует, но чье незримое воздействие способно было бы менять вполне конкретные черты реальности. И тут я пришел к самому грандиозному открытию. – в глазах Артемия горел огонь. – Как сделать, чтобы я сам не знал, что конкретно я вижу и воспринимаю, действуя и реагируя при этом именно так, как поступил бы только я сам?

Он сделал паузу, рисуя в воздухе кривую, затем взмахнул

рукой и расправил ладонь внутри очерченной дуги.

– Вот именно! – победно произнес он. – Надо было пересадить свое сознание в какую-то колбу. Отделить его от меня самого и вложить в нечто такое, что будет управлять невидимыми пластами реальности, как управлял бы ими я. Тогда я и создал алгоритм, который не просто бездумно жонглирует словами, выбрасывая то в самую точку, а то невпопад какие-то фразы в ответ на вводимые раздражения. Это была удивительная программа! Настоящий сканер сознания, проникавший в самые глубины мыслей и считывавший узоры, нанесенные на песчаную долину памяти миллионами увиденных за жизнь картин, прочитанных книг и запечатанных в предубеждения иероглифов. Так я создал копии себя и Милады. А потом Милада погибла.

Артемий замолчал.

– Ты хочешь сказать, – спросила, наконец, Арина, – что та женщина, которую мы видели на экране, не существует? То есть, конечно, существует, ведь кто-то же с тобой говорил? Это ведь не просто какая-то запись? Но как все это сделано?

Артемий улыбнулся.

– Ты знаешь, почему дети на сотне языков первым делом произносят слова, столь похожие на наши «мама» и «папа»?

Арина посмотрела на него так, как будто вполне естественным было считать, что на этот вопрос не существует вообще никакого ответа.

– Дело в том, – невозмутимо продолжил Артемий, – что и «п», и «м» звуки билабиальные, то есть образуемые с помощью губ. Не дентальные, и не дентолабиальные, а именно билабиальные! Ответ, таким образом, вполне логичен! У детей просто еще нет зубов, чтобы произносить дентальные звуки. Да к тому же именно губы целый день тренируются, вытягивая молоко из материнской груди. Естественно, что именно они в первую очередь и используются для привлечения внимания, издавая повторяющиеся звуки, которые, в конечном итоге, обеспечивают получение новой порции молока.

Артемий посмотрел на Арину и, увидев в ее глазах отблески озарения, продолжил:

– Эти же звуки являются самыми важными при дублировании фильмов. Именно под них подбираются звуковые соответствия в языке, на который делается перевод.

Пестрая мозаика стремительно выстраивалась в голове Арины в четкую картину. Оставалось всего несколько деталей. Лишь только был бы дан ей малый шанс проверить. Еще немного времени побыть с ним рядом.

35

Ранним утром в квартиру Артемия позвонил человек. По его виду вполне можно было сказать, что приятная прохлада наручников на запястьях в жаркий летний день не оказалась бы для него неожиданностью. «Godzilla size» – подумала про себя Арина – «Готов к труду и обороне!».

– Привет, Илья! – сказал Артемий.

– Здравствуйте, Артемий Владимирович! – смущенно поздоровался человек-гора.

Арина слышала лишь обрывки их короткого разговора в прихожей.

– Что в типографии? – спросил Артемий.

– Все нормально. Отпечатано восемь копий и уже направлено по нужным адресам. – ответил Илья.

Затем последовали какие-то фразы, которых Арина не поняла. Ей даже показалось, что говорились они на каком-то неизвестном ей языке.

– Всадник может быть без головы, но не может быть без коня! – разобрала она, наконец, слова Артемия.

– Ее пригнали в Ларнаку. – послышался голос Ильи.

– Печальнее места не найти! – констатировал Артемий.

– Не знаю, я там не был! – отозвался Илья.

– Что с Егором? – едва расслышала Арина голос Артемия.

– Он в красном списке! – ответил Илья. – Я сообщил ему координаты.

– Хорошо! – сказал Артемий и попрощался с великаном каким-то непонятным жестом.

36

– Как Вы думаете, заденет ли Россию война в Ираке? – ликующим голосом спрашивала пестро накрашенная пигалица с микрофоном у старика, выходящего из продуктового магазина.

– Нас все задевает! – рассерженно бросил в объектив старик. – Комар во Вьетнаме сдохнет – нас задевает!

Полковник Капронов отвернулся от экрана, выдвинул ящик стола и достал из него книгу в льняном переплете.

– Ты помнишь, Володя, – обратился он к вытянувшемуся перед ним по струнке парню, – на заре перестройки, появилась такая книга «Дети Арбата».

– Помню, товарищ полковник, это Анатолий Рыбаков, там что-то про диссидентов. – отозвался парень.

– Точно! А теперь посмотри вот на это! – Капронов протянул ему книгу, на которой было написано: Анатолий Robocop «Дети Горбатого».

– Смешно! – констатировал парень.

– Ничего смешного! – серьезно сказал Капронов и убрал книгу в стол. – Садись!

Володя уселся перед ним, сложив руки, как прилежный ученик.

– Сейчас сюда придет человек, – тревожным голосом начал Капронов, – Я буду с ним разговаривать, в смысле, снимать с него показания. Я хочу, чтобы ты был в соседней комнате, следил за каждым словом, за каждой интонацией. Пойми, это очень важно! В этом деле нет мелочей! Слишком многое поставлено на карту! Ты меня понял?

– Понял! – растерянно произнес Володя.

– Ступай! – сказал Капронов.

Через несколько мгновений после того, как Володя скрылся в соседней комнате, в кабинете Капронова появился Иван Антонович. Держался он невероятно уверенно и выглядел, подобно кредитору, пришедшему с визитом к своему должнику.

– Здравствуйте! – обратился он к полковнику, тот молча кивнул ему в ответ.

Иван Антонович уселся в кресло и оживленно заговорил:

– Посмотри, сколько у вас тут всякой техники! Компьютеры, камеры, датчики, сенсоры! Скоро уже и людей не понадобится! Понаставят вокруг роботов. – Иван Антонович на секунду задумался, а затем протянул, – Да-а! Очеловечить машины в наш век несложно, ведь люди стали столь бессердечны!

– Вы понимаете, почему я Вас сюда пригласил? – с какой-то неуверенностью в голосе спросил Капронов.

– Понимаю! – ответил Иван Антонович. – А вот понимаете ли это Вы?

Полковник молча открыл книгу и принялся читать ее вслух:

– Речь идет о тайной организации, стремящейся к переустройству мира. – Капронов на мгновение закашлялся. – Руководит ею только тот, кто понимает правила игры, по которым само это переустройство происходит. Как только пропадает понимание, теряется лидерство в организации. В определенном смысле лидерство здесь вообще отсутствует или, по-другому сказать, не имеет никакого значения. Если кто-либо хотя бы на время осознаёт принципы переустройства и поступает, в соответствии с этим пониманием, формируя вокруг себя отвечающую этим принципам действительность, то дело организации живет и процветает. Если кто-либо утрачивает это понимание, он незаметно для себя самого выпадает из организации.

– Что вы на это скажете? – испуганно спросил Капронов.

– Картина начинает проясняться! – задумчиво произнес Иван Антонович.

– Это сложно с чем-то сравнить, – продолжал Капронов, – но для примера возьмем, что словно бы делается скульптура из камня. Притом никакого конкретного художника нет. Каждый может подойти к каменной глыбе с теслом и ударить, но отсечь от нее часть может только тот, кто понимает замысел творения самой скульптуры. Ветры могут бесцельно облизывать глыбу веками, толпы народа будут бездумно взирать на неоконченное творение, находя в нем сотни ложных смыслов, но отсечь от этой глыбы все ненужное может только тот, кто понимает изначальный замысел.

– Теперь Вы понимаете, – спросил Иван Антонович, – почему я здесь?

– Этого не может быть! – дрожащим голосом произнес Капронов. – Это всего лишь книги! Жалкие испачканные листки бумаги! Черные буквы на белом фоне!

– Можно находиться в стаде слонов и не слышать их болтовни, – улыбаясь, произнес Иван Антонович, – а кто-то слышит музыку и в милицейском свистке.

– Этого не может быть! – продолжал полковник. – Я ведь сам Вам это все рассказал! Стойте, Вы никуда отсюда не выйдете! – вдруг закричал Капронов.

– Вы не сможете остановить ни меня, ни того, что происходит. – спокойно произнес Иван Антонович. Затем он встал

и уверенным шагом направился к выходу. Полковник Капронов сидел, молча уставившись в стену.

37

Лишая город тысячи зеркал, перед которыми тот красовался, как Нарцисс в сиянье дня, воскресный вечер плавно развернул по кругу нормали отражений в окнах, дав обитателям светящихся во мгле жилищ возможность поглядеть на собственные лица, скользящие поверх покрытых снегом крыш. Довольная увиденной картиной, Арина обернулась в фуэте и упорхнула из открытой двери спальни на шум струящейся воды.

Артемий склонился над белой ванной, указывая Сати пальцем на бегущий по ее дну ручей.

– Посмотри на то, как струится вода! – объяснял он ей. – Она не просто течет ровными параллельными линиями. Каждая тонкая струйка ударяется сначала об один край, образуемый потоком, затем отражается под тем же углом и ударяется о другой. Так они и отскакивают от этих стенок, словно мячики. Струй же этих очень много. Поэтому мы видим, будто они сплетаются в косу.

Казалось, что такой маленький ребенок не может понять подобного объяснения. Арина была в этом абсолютно уверена, но Сати вдруг сказала:

– Если мы намочим мячик и ударим его о стенку в коридоре, то он нарисует на полу такую же линию.

Артемий улыбнулся и поцеловал Сати в щеку.

– Точно! – сказал он ей и добавил, – Через пять минут вода наберется! Ты можешь пока поиграть!

Выйдя из ванны, Артемий обратился к Арине со словами:

– Завтра мы улетаем на Кипр!

– Как это улетаете? – спросила Арина взволнованным голосом.

– Во-первых, не улетаете, а улетаем! – поправил ее Артемий. – А, во-вторых, Сати остается здесь. Эта дорога для нее может оказаться слишком долгой!

– Но у меня нет с собой никаких вещей! – возразила Арина.

– Илья все устроит! Не волнуйся! – уверенно сказал Артемий.

38

– Здравствуйте, Михаил Никанорович! – вежливо произнес один из вошедших в кабинет людей.

– Здравствуйте! – дрожащим голосом ответил полковник Капронов.

Вошедших было четверо. Серые двубортные костюмы прокурорского покроя загородили половину стены. На всех четверых были одинаковые галстуки с каким-то неподобающе несерьезным изображением ослиного уха.

– Какие можете предоставить объяснения? – спросил все тот же голос. – Это Вам не сражаться с авторами граффити: «Если Литва вступит в НАТО, Россия вступит в Литву». Не правда ли?

– Ситуация невероятно сложная! – стараясь звучать как можно более уверенно, констатировал полковник Капронов, нервно барабаня при этом пальцами по столу.

– Ах, вот оно как! – воскликнул все тот же голос. – Это ты, сучий потрох, будешь нам говорить, что «ситуация очень сложная»!

У Капронова застрял комок в горле. Прокашлявшись, он через силу произнес:

– Мы послали за ним наших людей! Они все устроят!

– Наших людей! – ухмыльнувшись, повторил пришедший. – А ты после всего можешь быть уверен, какие люди остались нашими?

– В них я абсолютно уверен! – произнес Капронов.

– Абсолютно! – усмехнулся пришедший, – Это ты своему начальнику федеральной покрышки будешь заливать! Предвидеть будущее можно только тогда, когда руководишь настоящим! А ты это настоящее уже просрал! И не только для себя самого!

Говоривший с грохотом поставил на стол перед Капроновым ослиное копыто, на котором вертикально была закреплена прямоугольная рамка. Внутри нее желтым блеском сверкнули две параллельно натянутых струны. К нижней из них тонкими золотыми кольцами за обе лапы был прикован живой воробей. Струна была настолько тонкой, что для того, чтобы удержаться на ней, изможденной птице приходилось бешено махать крыльями, ударяясь о верхнюю струну, издававшую при этом истошный нервный звук.

– У тебя сорок четыре часа! – бросил Капронову пришедший. – Сорок! – повторил он, поднимая вверх четыре пальца левой руки, – Четыре! – и шлепнув по тыльной стороне

ладони крест-накрест четырьмя пальцами правой.

39

Солнечное побережье Ларнаки вспенивало лазурную гладь Средиземного моря гребными винтами теней от развесистых пальм.

– Посмотри на эту красоту, – сказал Артемий Арине, проходя мимо яхты, на борту которой синим италиком было написано Pershing 76. – Длина двадцать три с половиной метра, сухая масса пятьдесят тонн, корпус из стеклопластика, автопилот Raymarine C-7000, мощность двигателей две тысячи лошадиных сил, максимальная скорость 47 узлов.

– Сколько это в километрах? – спросила Арина.

– Это просто запомнить! – сказал Артемий, уверенно шагая по пирсу. – Тысяча восемьсот пятьдесят два, как год рождения великого мексиканского мастера гравюры Хосе Гваделупы Посады, – это столько, сколько метров в морской миле. Миля в час и есть узел. На парусных судах для измерения скорости в былые времена сбрасывали в воду специальный трос, называвшийся лаглинем. На нем завязывались узлы с промежутком в 50 футов 8 дюймов, это столько, сколько хватит, чтобы уложить по его длине 608 дюймовочек или одного взрослого клюворылого кита. Лаглинь сбрасывали за борт во время движения парусника и считали количество узлов, сматывающихся с лебедки за полминуты. Число узлов соответствовало скорости судна в милях в час. Так что максимальная скорость Pershing'а где-то 87 километров, что, несомненно, впечатляет.

– Очень просто! – хмыкнула Арина.

Артемий засмеялся.

– А куда мы, собственно, идем? – спросила она.

– До самой крайней точки пирса! – ответил Артемий.

Дойдя уже до кромки, за которой плескалась вода, он повернулся к Арине и произнес, указывая рукой на серебристый парусник, стоящий на рейде.

– Нам туда!

Арина опустила глаза и увидела внизу пришвартованную к пирсу лодку. Из нее на них смотрел смуглый человек.

– Namaste, Apastamba! – обратился к нему Артемий.

– Namaste! – улыбаясь и кланяясь, ответил человек, в котором Арина к своему великому изумлению обнаружила не грека или турка, что было бы естественным для этих мест, а индийца.

– Good morning, Madam! – обратился он к Арине со смешным

акцентом.

Она ответила ему кивком головы.

Артемий спрыгнул в лодку, обернулся и поднял вверх руки, приглашая за собой Арину. Она сделала робкий шаг вперед и через мгновение оказалась в его объятьях.

Берег быстро удалялся, и вскоре лодка пристала к серебристой тридцатиметровой яхте, на борту которой красовалась надпись «Arango». Латинский кевларовый парус был словно бы выкрашен хной. В лучах утреннего солнца он переливался огнями ржавой охры. Едва заметным узором на нем сияли тонкие платиновые нити.

Взойдя на борт, Арина увидела еще пятерых индийцев, приветствовавших ее поклонами. Медленно идя по палубе, она тянула за собою смоляные сети из перекрестий не отрываемых от нее оливковых взглядов.

– Это не вполне обычная яхта! – начал объяснение Артемий. – Ее построили по специальному проекту на одной из верфей Бомбея. Здесь применено множество революционных решений. Ниже ватерлинии карбоновый корпус покрыт мехом морского зайца Erignathus barbatus Это позволяет свести турбулентность к столь незначительным величинам, что яхта движется, практически, в ламинарном потоке. Конструкцию паруса рассчитывали голландцы. Он меняет не только угол и положение, но и свою плоскую геометрию в зависимости от интенсивности и направления ветра. В результате этого только под парусом яхта способна развивать скорость до 35 узлов. В добавление к этому на ней установлены два водородных двигателя, что обеспечивает ей даже в штиль возможность двигаться со скоростью до 55 узлов. На внешнюю часть корпуса и парус нанесено специальное покрытие, которое можно было бы назвать и краской. Только краска эта содержит много слоев и служит ни чем иным, как солнечной батареей.

Арина с любопытством разглядывала яхту.

– Where to bring your luggage, sir? – спросил Апастамба.

– Bring it down to the saloon! – крикнул Артемий. – Be careful with the eels!

– Yes, sir! – отозвался Апастамба.

– Ты что, взял с собою рыб? – переспросила Арина.

– Да! – спокойно ответил Артемий. – Этим угрям уже пять лет. Мы должны отпустить их на волю в Саргассовом море.

– Где? – удивленно спросила Арина, пытаясь представить на воображаемой карте путь из Средиземного моря через всю Атлантику.

– В Саргассовом море! Считай, что мы просто совершаем

занятное путешествие! – повторил Артемий и крикнул команде. – Weigh the anchor!

– А что это будет на самом деле? – спросила Арина, но вместо ответа увидела лишь загадочную улыбку Артемия.

40

Яхта скользила по перевернутым циклоидам волн. Артемий вышел к Арине, любовавшейся стаей дельфинов, несущихся справа по борту.

– Интересно было бы узнать, о чем они там стрекочут друг с другом?! – сказала она.

– Это самое распространенное заблуждение, – заметил Артемий, – искать смысл речи в простых сочетаниях звуков. Судить о коммуникации дельфинов по их трескотне так же бессмысленно, как рассуждать о содержании информации, передаваемой по сети, основываясь на звуковых сигналах модема.

– Необычное заявление! – заключила Арина. – Надеюсь, у тебя найдутся аргументы в пользу какой-нибудь альтернативной версии!

– Может быть! Может быть! – повторил Артемий, вглядываясь в даль моря за кормой.

– Послушай! – с тревогой в голосе произнесла Арина. – Та серебристая яхта, которую ты мне показывал на берегу, похоже, идет тем же курсом.

– Планета вращается, – спокойно сказал Артемий, – и тот, кто идет за нами, идет уже не нашим курсом, хоть сам о том не ведает!

41

Яхта «Arango» под парусами вошла в живописную бухту маленького затерянного в Атлантическом океане острова. Чем ближе подступал песчаный берег, тем отчетливее Арина видела на нем человека, махавшего изо всех сил руками. Наконец, яхта подошла настолько близко, что с нее уже можно было разобрать его крик:

– Уходите! – расслышала Арина в шуме ветра. – Оставьте меня в покое!

– Егор, мы спустим за тобою шлюпку! – крикнул ему Артемий.

– Мне надоели эти битвы! – послышался голос с берега. – Завоевать мир легко, сложнее понять, что с ним после этого делать!

– Егор, мы все обсудим на борту! – продолжал уговаривать его Артемий.

– Ты ничего не понимаешь! – не унимался человек на берегу. – Тот старец, что предсказывал расстрел царя. Я обнаружил дневники. Он сам оставил почитателям своей постылой святости окутанное тайной завещание, в котором требовал убить царя во исполнение своих пророчеств!

– Егор, не сейчас! – умоляющим голосом кричал Артемий.

– Он сам их и направил! – причитал Егор. – Он сам же их толкнул на злодеянье, чтоб сделать из себя пророка!

– Cast the anchor! – крикнул Артемий команде и снова повернулся к Егору, – Подумай о Полине! Что будет с ней?

В этот момент Арина увидела на другом конце бухты качнувшийся на волнах у берега Pershing. Она взяла Артемия за руку и с волнением посмотрела ему в глаза. Он улыбнулся и шепнул ей на ухо какое-то таинственное слово, которое она должна была понять и без того, чтоб вспоминать его значенье.

– Мы все теперь узнали больше, чем должны! – добавил он, и взгляд его невольно затерялся в каустике морского горизонта.

42

Во дворе сталинского дома на Чистых прудах рыжий мальчишка нашел большой ржавый гвоздь. Он покрутил его в руках, затем воткнул в сырую землю и, что есть силы, стукнул по нему осколком кирпича. Следившая за этим действом Сати, зажмурилась. Гвоздь утонул в земле, отправив на поверхность пятно кроваво-бурой пены.

Секундой позже японский сейсмический спутник «Satori» зарегистрировал подводный толчок в Гвианской котловине, мгновенно передав шифрованный сигнал о надвигавшемся цунами.

На острове Фогу архипелага Кабо Верде племена фульбе справляли грандиозную свадьбу. Жених держал в руках большие красные сандалии с чеканной медной пряжкой, нацепленной поверх волана из мохнатых страусиных перьев. Тамтамы поменяли ритм с bamana-foli на kirin и заиграли «нет у вас ребенка». Пришедшие на торжество ладонями прихлопывали в такт, незримо растворяясь в радостном веселье, но сквозь пульсации n'i den t'i bolo, прорвавшись из неведомых глубин, похожие на рокот голоса уже взывали к обманчивым усладам их последних дней.

download soundtrack from

www.rustyfusion.com

Site of the book

www.flatusvocis.net

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

21.08.2005